ДЕКАБРЬ 1999 12

Литературно-художественный и краеведческий журнал

ЧЕРЕМШАН

В номере:

Нонна АЛИЕВА. Лирический дневник.

Иван ХМАРСКИЙ. «Светлана». Повесть.

Владимир ЗИНОВЬЕВ. «Я пил и плакал...». Полезные поэзы.

Макс КРОНИН. Фельетон.

ЧЕРЕМШАНЬ

декабрь **1999**

**Литературно-художественный
и краеведческий журнал
Димитровградской горадминистрации
и Димитровградского отделения
Союза писателей России**

В НОМЕРЕ:

Нонна Алиева. «Восхождение». Лирический дневник. 4

Василий Коробков. «Антонина преподобная и другие». Натуралистическая повесть. Окончание. 15

Елизавета Парфенова. Стихи детям. 43

Иван Хмарский. «Светлана». Повесть. Журнальный вариант. 47

В.Домбровский. «История Причеремшанья и не только...». Очерк. 74

Владимир Зиновьев. Полезные поэзы. 78

Геннадий Генераленко. «Энергия моря». Рассказ из цикла «Слезы Гелиад». 81

Макс Кронин. «Дайте сосредоточиться!» Фельетон. 89

«Мелекесские дивы» Фотовернисаж. 92

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ:

На наш журнал можно подписаться только в его редакции, с любого месяца. Стоимость одного номера - 5 рублей. На год - 50 рублей.

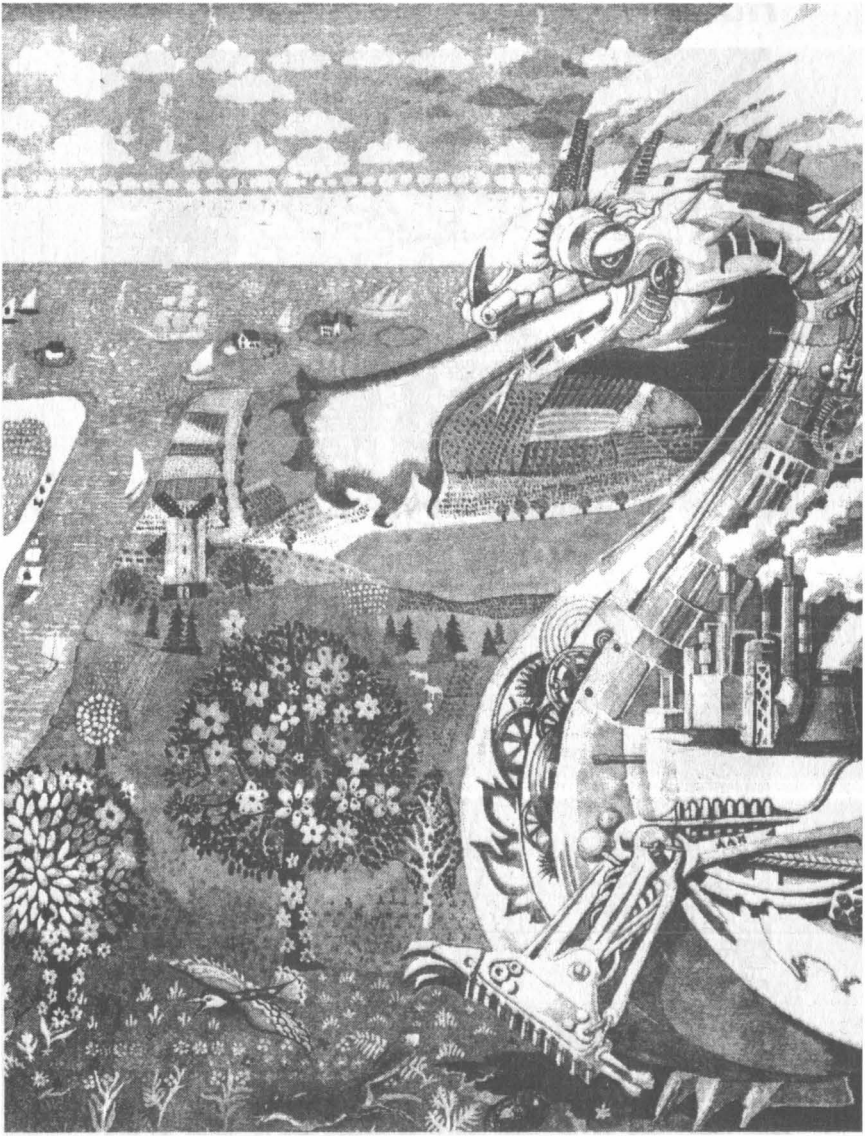
Главный редактор Валерий ГОРДЕЕВ.
Компьютерный дизайн: Т.Царева.
Техническое оформление: А.Ефремов.

Редакция извещает о том, что с согласия авторов их произведения временно публикуются на безгонорарной основе.

Компьютерное обеспечение редакции «Димитровград-панорама»

© «Черемшан» 1999

Адрес редакции: 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107. Телефон: 3-11-50.
Сдано в набор 17.12.99. Подписано в печать 12.02.2000.Формат 60x90/16. Усл. печ. л. 6. Печать офсетная. Тираж 400 экз. Заказ № 7956
Цена свободная. Отпечатано в Димитровградской гортипографии, 433510, Ульяновская обл., г.Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.



2000

Нонна АЛИЕВА

ВОСХОЖДЕНИЕ

Лирический дневник

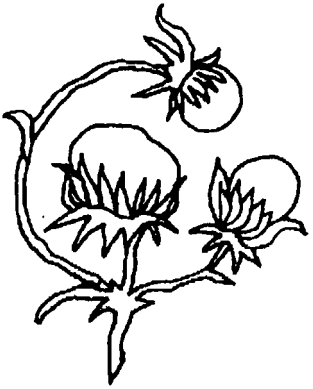
ПОСЛЕДНЕЕ РОНДО

И с эполет упали руки,
и бал был кончен (ну так что ж?),
когда под гаснущие звуки
по зеркалам промчалась дрожь...

Вошел - и сердце с ритма сбилось,
и где-то лопнула струна,
и все смешалось,
все смутилось..
и зазвенела тишина.
Но мы еще танцуем рондо
под перепалкой тысяч глаз -
сама судьба, как амазонка,
упрямо целит точно в нас.
Ах, как прекрасно под прицелом
кружиться и дышать, пока
в последнем вихре ошалелом
вдруг кто-то
не нажмет
курка.

*****

С тобой не вместе - близко:
как палец у курка,
как кровь на обелиске,
как дуло
у виска.
Тоска холодной змейкой,
скользя, торопит срок...
Кто вышибет скамейку
скорее
из-под ног?



***

«Вы войдете в Другое место просто, через дверь»

Дж.Б. Пристли

Над серым городом играет
малиновый закат.
Глаза закрою - угадаю
дорогу в сад.
И будет снег арбузом пахнуть
и сыпать звездопад...
От Тайны дверь найду и ахну,
что невпопад...

ИГРУШЕЧНЫЙ ПОЕЗД

Мой поезд сорвался,
ушел под откос.
Не надо оваций -
все было всерьез.
Лишь всхлипнули рельсы
на стыке: «Беда!»
Последние рейсы
ведут в никуда.
Не плачьте, диспетчер ,-
вас не было там.
Испорченный вечер
идет по пятам?
Ах, право ж, газеты
ломают комедь:
игрушечный поезд
не стоит жалеть.

***

Не буду восхвалять твои глаза,
не буду славить губы, руки, плечи.
И наш союз, как вспышка, как гроза,
ни - черту кочерга, ни - Богу свечка.
Так что ж! Дадим прощальную гастроль:
не все равно ли - вечность ли, мгновенье?
Задуем солнце. Солнце - это боль.
Да будет с нами полное затменье!

***

Я знаю цвет звука и вкус ветра,
запах Вечности и вес снов.
Но я ничего не пойму в этой жизни,
пока не увижу, как ты улыбаешься,
когда встает
солнце.

***

«Пью за тебя, любовь!»

Шекспир

Любовь моя, яд мой,
ты мне кровь отравила и душу.
Любовь моя - яд мой,
растекаясь, по венам бежит.
Лишь движенье руки -
и с горячими брызгами крови
можно выпустить яд,
можно выпустить жизнь...
Но к горячим губам
и к словам твоим снова и снова
я тянусь, чтобы зелья и боли испить.
Любовь моя, яд мой,
я не в силах тебя уничтожить.
Любовь моя - яд мой.
Я не в силах
тебя
не допить.

ПАРАДОКСЫ СЧАСТЬЯ

«Все на свете, все на свете знают:
счастья нет».

А.Блок

Счастлив тот, кто счастье мог позабыть.
И несчастен, кто все помнит о нем.
Счастлив тот, кто мог себя покорить,
И несчастлив, кто другим покорен...

Было счастье - нет теперь ничего,
и в глазах растаял радуги свет.
Кто сказал, что горе есть? Нет его.
Кто сказал, что счастье есть? Счастья нет.

***

Когда настанет смутное мгновенье -
не хватит сил противиться судьбе,
и слово «нет» полоснет по венам,
пусть жизнь уйдет, не нужная тебе.

Пусть прахом все, что билось и дышало.
Пусть стынет кровь, что не смогла согреть.
Мое лицо мне ненавистным стало:
тебе в него не хочется смотреть.

***

Молва не лжет и время,
вправду, - лекарь.
Что ж, скальпелем
я рану
долечу.
А ты - лишь диск-жокей
на Дискотеке,
где только я
за музыку
плачу.

***

Бессонница твоим зовется именем,
и сон зовется именем твоим,
желанье пить и утоленье жажды,
усталость и стремленье жить,
и брызги моря, и горячий ветер,
паденье и величие.
И Смысл.

***

Ты, море, - верный пес - мою зализешь рану.
Я ухожу, тобой воскрешена...
Но отчего теперь такой багряный,
такой густой закат в твоих волнах?..

***

Ты - есть.
Ты будешь жить века,
не смея постареть, -
весь заточен в моих стихах,
как Солнце
в янтаре.

***

К чему искать за дымкой золотою
Начало всех Начал, Основу всех Основ? -
Одна твоя припухлость над губою
загадочнее тысячи миров.

МЫСЛИ

Под равномерный стук колес
вдруг поезд под откос, и солнце - под откос!
И я - со всем, что так и не сбылось -
все под откос!
Все под откос...

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ
(поломка)

Во всех веках одновременно шли дожди -
там что-то щелкнуло в злосчастном
циферблате.
И кони фыркали, не ведая пути,
и звездолет попал в едва погасший кратер.

Оставил пульт, коней усталых отпустил:
что множить бесполезные мгновенья?
- Ты не ко времени, - сказали, - уходи!
Во всех веках. Во всех одновременно.

Я так запутался, я так хотел назад.
Мой век, опять тебя не проскочу ли?
А мне в пятнадцатом в вино подлили яд,
а в двадцать первом лазером кольнули.

Вновь кнопки пульта тронула рука,
и за спиной пропело... два столетья.
И полночь снизошла на все века.
И замигали издевательски
созвездья.

***

Гляделась я в тебя одно мгновенье,
которое над Вечностью встает...
Пусть женщина грядущая смеется -
да, обомлев, чужою отшатнется:
в твоих зрачках мерцающих
МОЁ
застывшее увидя отраженье...

***

И снова день,
в котором будет так:
холодный ливень, спутанные роли.
А чудо жизни -
в сущности, пустяк.
Для вас пустяк.
А для меня
тем более.

Мое лицо
не впишется в апрель.
Где с каждым часом гуще
грим и краски.
Да ни к чему вся эта канитель:
Бокал с дождем и запахом фиаско.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Ну вот они, последние минуты -
связали по рукам и по ногам.
В костер! Живьем в костер - любовь и смуту -
мне так спокойней, так надежней вам...
Нам не судьба - теперь я вижу это.
Не сброшу крест,
лишь воздуха глотнув,
дай крикнуть сквозь пожар, сквозь вспышки
света,
как ты любим!
Дай сердце разомкнуть.

***

Как хорошо не дни - шаги считать.
Ступить на край без дрожи и опаски.
Как хорошо над пропастью стоять
и пьяной быть
от близости развязки.

Что за спиной? Не помню. И к чему?
Не отступиться больше ни на йоту.
Вся жизнь была прелюдией к тому,
чтобы вдохнуть мгновение
полета.

***

Если б я была Мефистофелем -
даровала б тебе бессмертие,
но не взяла души твоей взамен.
Зачем душа, в которой песни нет,
а только страх, лишь страх перед собою?..
А от бессмертья ты и сам бы отказался -
тебе с ним просто станет слишком скучно.

* * *

Я Вас не видела сто лет
и не спешу.
Случайно встречу - даже вслед
не погляжу.

Бывают дни - не грех солгать
и королю...
Мне так Вам хочется сказать,
что
не люблю!

* * *

Замкнутый круг - пройдённый
треугольник.
Ты мне не друг, но обо мне
помнишь.
Видно твоей я не дождусь
измены -
Тени верней, кажется, враг
верный.

У клеветы жуткие
гонорары...
Ты у плиты стряпаешь
мемуары?
Душу твою арендовали
черти:
Я вот - пою. А ты ждешь
моей
смерти?

* * *

Задор остыл, дурман исчез,
и память никого не судит.
Венчал ли Бог? Смутил ли бес? -
Шутили оба. Ну и будет.

СЛОВА

Душа моя становится немой,
на этот взгляд холодный натыкаясь.
Наверное, судьба уже такая -
слова всё отзвучат во мне самой.
И, точно птицы бьются об стекло -
слова мои - так хочется на волю.
Но им твой слух тревожить не позволю,
и все дороги снегом замело.
Меж нами все мосты разведены
и сожжены столетиями ранее.
Но нет прочней и выше той стены,
которую зовут Непониманием.
И если вдруг в иные времена
один твой взгляд мои откроет двери,
ты скажешь: «Говори!» -
я не поверю:
Судьба забыла
наши имена.

КЛЕОПАТРА

Иду к тебе. Моя дорога
через объятья смерти пролегла.
Еще немного, шаг еще,
уже отравлена аорта,
где билась прежде жизнь,
твоим губам горящим отвечая...
Иду к тебе - ничто не остановит -
мне не согреть собой твоих ладоней
и в Вечность запрокинутого взгляда.
Скажи, Антоний!
что ж меня ты бросил
наедине с моей никчемной жизнью?
Губ стынущих твоих не разомкнуть
как прежде - ни мечом, ни поцелуем.
И мир померк, и закатились звезды...
Дай руку мне твою - пусть холод смерти
нас окольцует вечностью своею.
Ну вот, теперь - теперь спокойна,
теперь ты мой - и не разнять объятий,
повенчанных старухою безглазой.
Иду к тебе, иду к тебе, Антони-и-ий...

СЪЕМКА

Вонзить клинок по рукоять и трижды
повернуть, и падать в травы.
Залить их кровью и лежать недвижно.
Стоп, кадр! Прожектора погасли,
и вам дано опять прощаться
с солнцем,
вновь заносить клинок, и падать
в травы,
и трижды воскресать...
Жизнь!
Дай отмотать назад мне киноленту
дней,
переиграть без фальши кадры,
дубли.
Крути назад! - клинок двуострый
вынут
и занесен, и не замаран кровью,
и шрамы исчезают с дней и рук,
как не было, и молодеет тело.
Но что?! Ты понеслась!
Замедли бег,
уйми мельканье бешеное кадров:
еще чуть-чуть, еще одно движенье -
и ленты не унять - не воротить
судьбы
случайного, бездумного сплетенья.
Проектор твой умолкнет в сонме
дней,
где НЕТ меня,
где, может быть,
НЕ БУДЕТ
НИКОГДА!
Оста-но-в-и-и!..

***

Я знаю,
но знать не хочу,
что временно все,
кроме смерти
и Времени,
как палачу,
дозволено все в круговерти...
Все канет в сугробах-веках:
любовь,
ожиданье
и страх...
И все же упрямо шепчу:
«Я знаю,
но знать не хочу!»

Лирический дневник иллюстрировали димитровградские художники Александр Шевченко и Оксана Гурьева.

Василий КОРОБКОВ

АНТОНИНА ПРЕПОДОБНАЯ И ДРУГИЕ

Повесть

Окончание

И наступила звенящая тишина. Некоторое время я сидел и смотрел в синее небо, которое было в этот день совсем безоблачным. В траве стрекотали кузнечики. По разноцветной клеенке начали ползать божьи коровки. Я стал с ними играть. Поставишь палец перед ней, она на палец заползает. Поднимешь палец вверх и начинаешь напевать:

«Божья коровка,
Улети на небо,
Принеси нам хлеба.
Черного и белого,
Только не горелого».

Божья коровка доползает до кончика пальца, расправляет крылья и, глядишь, полетела. Я радуюсь, вскакиваю на ноги и начинаю прыгать и хлопать в ладоши.

- Полетела, полетела! - захлебываясь от радости, взвизгиваю: - За хлебом полетела! Ура-а!

Но вскоре это занятие мне надоело и стало грустно. Взрослые не возвращаются, а вороны хлеб воровать не прилетают. Я

уже проголодался и начал с тоской поглядывать на продукты. Запив плотный обед холодным чаем, я решил побродить по высокой траве, которая мне казалась необычайным лесом.

Бродил я недолго и вскоре наткнулся на маленькое болотце. Вода в нем была коричневая и пахла тиной. У меня из-под ног выскользнул болотный уж, словно молния блеснув на солнце, прочертил на поверхности воды зигзаги, скрылся в камышах. Я бросился бежать от опасного места, руками раздвигая заросли травы. От страха я начал кричать и звать на помощь, но взрослые, видимо, меня не слышали и не отзывались. Я расплакался. Растирая слезы по щекам, я метался по душистым зарослям и мне казалось, что я никогда не выберусь из этого леса.

Тут я увидел серебристый купол церкви, блестевший на солнце крест и стал пробираться сквозь заросли в этом направлении, не выпуская из вида этот солнечный маяк, и вскоре выбрался на маленький холмик. С возвышенного места я разглядел всю церковь. На ее крыше приютились сверкающие купола, они, словно луковицы, виднелись на фоне синего-пресинего неба. Позолоченные кресты на них мне казались солнечными зайчиками, они не блестели, а сверкали, словно драгоценные камни.

Недалеко от холма я увидел тропинку, по которой мы пришли на сенокос, а чуть в стороне и свою деревню, которую я узнал сразу же и, недолго раздумывая, потопал домой.

Ближе к вечеру, когда уставшие и голодные взрослые вернулись с работы, меня отругали и отлупили, надрали уши.

- Зачем домой молчком убежал? - спрашивала тетя Тоня.

- Зачем все яйца слопал и нас голодными оставил? А мы, как дураки, все кусты облазили, ищем его, а он слопал обед и домой умотал. Паршивец этакий. Зачем яйца все слопал?

- Не ел я, - попробовал я обмануть ее.

- А кто же их съел?

- Вороны, наверное, - соврал я.

Семья у моего дедушки была большая, а по тем временам нормальная, обыкновенная. В маленькой избушке ютилось восемь человек взрослых и нас, внучат, уже трое было. Зимой взрослые спали на полу на соломе, накрываясь полушубками, зипунами или старенькими телогрейками. А летом перебирались в терраску, а мы, кто помладше, на сеновале спали.

В тот день провожали в армию нашего соседа. Вечером вся молодежь отплясывала это событие, аж потолки в доме тряслись. А потом по деревенской традиции отправлялись гулять до утра. И вот уже рассвет, а они все еще поют и пляшут. Я невольно стал свидетелем очень грустного разговора, когда Антонина с Ива-

ном спрятались от толпы за маленький стожок сена, что стоял у самого сарая.

- Ты ждать-то будешь? - спросил Иван.

- Не знаю, - не пряча озорства, отвечала она. - Три года - срок большой, много воды убежит, а я девка горластая, видная. Меня трудно не заметить. А вдруг кто влюбится из богатой семьи.

- Значит, ты совсем не любишь меня? - обиженно спросил Иван.

- Ваня, - жарко зашептала Антонина, - о чем ты говоришь. Если мы даже и поженимся, где жить-то будем? Что у вас в доме - курятник - друг на дружке спите, что у нас. Сколько вас у матери?

- Семеро, - буркнул Иван.

- Вот видишь, и у нас не меньше. А чтобы жить хорошо, надо дом свой иметь, а у нас его нету.

Иван огорчился и глаза у него сделались грустными.

- Ну ты не унывай, - продолжала тетя Тоня. - Пиши почаще, может быть, и дождусь. А там видно будет. А вообще-то я на целину собираюсь. Может там свое счастье найду. И ты, Ваня, ищи, может быть городскую найдешь. Что нам всю жизнь в деревне землю ковырять. Мы с тобой нищие. А если нищета с нищетой схлестнется, ничего хорошего не получится. Так что иди и служи спокойно, а когда отслужишь, может и времена к лучшему изменятся. А пока давай останемся друзьями, хорошо?

- Ну, пусть будет по-твоему, - грустно ответил Иван.

- Тогда побежим ребят догонять, а то подумают еще чего-нибудь нехорошее.

Взявшись за руки, они покинули свое убежище и побежали в сторону дороги.

Ивана проводили в армию, а вскоре тетя Тоня уехала на целину искать свое веселое счастье. Первое время письма от нее приходили часто. Я хорошо помню фотографию, которую она прислала по почте. Молодая девушка в мужской рубашке, на голове беретка, а вместо юбки широкие шаровары. Мать ее, Марфа Степановна, узнав свою дочку на фотографии, очень даже обиделась.

- Вот и пускай их из дома на чужбину-то, - запричитала она. - Штаны мужские напялила, с ума девка спятила! Господи, да куда же это молодежь нынче катится? Не то целина мозги-то всем вывихнула. Пропадет девка, совсем пропадет.

На целине Антонина Ивановна прожила два года. Как она там жила и как поднимала эту самую целину, одному Богу известно. Но, видно, затосковала в Казахстане, в диких степях, душа-то русская по родному Подмосковью. И потянуло ее на родину. Не при-

жилась она там. Палатки, бараки, вагончики. Зимой стужа несусветная. Метели, вьюги. В тесном вагончике лампа керосиновая да печка-буржуйка. Скука невыносимая. Ребята от нечего делать спирт хлещут, а девки, словно волчицы, воют - им любви хочется, детей рожать хотят, а где и как и рожать-то? Бытовых условий почти никаких. Общий туалет в сугробе торчит, вот и все бытовые условия...

Замуж выходить Антонина и мысли такой не держала. Многие руку и сердце предлагали. А как добьются своего, так и в сторону. А тут еще и тоска по дому навалилась. И начала Антонина потихоньку в рюмку заглядывать. Выпьет с мужиками, вроде бы и на душе веселее. Обнимет пьяный тракторист невзначай и тепло внутри становится. Семейного очага хочется. А где его взять-то? В палатке или в вагончике уютного гнездышка не совьешь.

...А дома еще хуже. Старший брат с женой на кухне живет, да ребятишек при нем уже трое. Да еще и средний женился, и он молодую жену в дом привел. Спать в доме и то негде. И подалась Антонина Ивановна в город.

Я помню, как тетя Тоня приезжала из города в гости, и почти каждый раз у нее был новый жених. Но мне больше всего запомнился высокий моряк. Его тельняшка и бескозырка волновали меня чрезвычайно. Иногда он давал мне ее померить. Я нахлобучивал бескозырку и мне казалось, что я уже настоящий морской волк.

Взрослые, как правило, садились за стол и начинали бражничать, а мне доверяли крутить блестящую ручку патефона и переворачивать пластинки. Это занятие мне очень нравилось. Я мог часами накручивать тугую ручку, переворачивать пластинки и слушать это необыкновенное чудо. Пластинки обычно шипели и скрипели, но посторонние шумы нисколько не мешали веселиться моим родственникам.

- Племянничек! - весело кричала Антонина Ивановна, - а ну-ка поставь мою любимую!

- Какую, тетя Тоня?

- «Амурские волны». Я с морячком повальсировать желаю.

Я ставлю «Амурские волны», с усердием накручиваю пружину, и дом наполняется музыкой.

Антонина Ивановна приглашает своего кавалера и легко кружится с ним вокруг стола.

- Виктор, - обращается она к своему брату и весело смеется, - жизнь-то какая начинается! Раньше мы и не мечтали о таких хоромах. А теперь смотри, не дом, а танцевальная площадка!

...Погорячилась девка и выгнала того морячка с треском, на весь городок опозорила. А парень тоже гордый оказался, плю-

нул на все и уехал в другой город от греха подальше. И осталась Антонина Ивановна одна, с малышом на руках и в тесной комнатке общежития.

Нахлебалась она счастья за эти годы, пока Сережка маленький был. В ясли его еще не брали, а на работу с малышом не пойдешь. Это сейчас с малышами по три года дома сидят и деньги кое-какие получают, а тогда этого не было. Декретный отпуск после родов два месяца - и на работу выкатывайся.

Как дальше жить? Голова у нее от дум трещала. С малышом на завод не побежишь. Бабушки с дедушкой нету. Няньку нанимать - кто с грудным возиться будет? А кормиться как-то надо.

Выхлопотала она себе отдельную комнату в коммунальной квартире, а легче от этого не стало.

Пробовала она свое счастье и с другим устроить. Да куда там! Кому чужие дети нужны? Придет мужик, поживет немного, наиграется, напотешится, а подвернулась женщина посолиднее и благоустроенная уже в жизни, глядишь, мужик и переметнулся на дармовые «пряники».

Посидят гости, подруги в жилетку поплачутся, кончится бутылка, еще «по рваному» сбрасываются, а там, глядишь, и песни запели, и так всю ночь до утра. А утром опять на завод, а какая работа с похмелья? И на заводе стаканами втихаря звякают и все за здоровье друг друга норовят выпить. И понеслась у Антонины Ивановны «душа в рай».

Часть четвертая

- Василий, ты чего там у воды присмирел? - услышал я Сережкин голос. - Или утопиться надумал? Вода уже давно кипит и картошка сварилась. Рыбу тащи, пора карасей в уху запускать.

Невеселые воспоминания улетучились, и я снова увидел перед собой потемневшее озеро, небольшой костер на берегу и своих незадачливых родственников. Я глубоко вздохнул и, как бы сбрасывая с себя тяжелый груз воспоминаний, еще раз ополоснул рыбу в озере и направился к костру.

Сережка взял у меня пакет с рыбой и половину карасей вывалил в кипящую воду.

- Ну вот, минут через пятнадцать уха будет готова, - сообщил он. - А к тому времени и мать подойдет.

И точно, минут через пять на нашу поляну из темноты выплыли две женские фигуры, они поддерживали друг друга под руки и пели:

«На побывку едет молодой моря-я-к, грудь его в медалях, ленты в якоря-я-х...»

- Племянничек, с тебя бутылка, - закричала Антонина Ивановна. - Смотри, какую невесту я тебе привела! Девка - огонь. Кровь с коньяком. Прошу любить и жаловать.

Мужики захохотали.

- Чего ржете! - повысила голос Антонина Ивановна. - Девка она хорошая. Только судьба у нее не сложилась. Если она в хорошие руки попадет, она красавицей станет и выпивать бросит. Катерина, скажи!

- Тетя Тоня, да ладно тебе рекламу-то выдумывать. Какая есть, обратно не лезть, - ответила Катерина, присаживаясь у костра на поваленное дерево.

- Соль-то принесла? - спросил Сережка.

- Принесла, принесла, - поспешила его успокоить Антонина Ивановна. - И соль принесла, и хлеб. У Катерины еще и бутылочка водочки имеется. Катерина, скажи!

Екатерина вытащила из сумочки бутылку водки и поставила ее возле костра.

Валерка тут же схватил ее и, перебрасывая с руки на руку, радостно завизжал и запрыгал вокруг костра, словно индеец, исполняя праздничный ритуал:

- Вот это уха будет, я понимаю! - весело орал он.

Уху из ведра черпали ложками и кружками, кто как мог. Рыбный отвар приятно согревал желудок, и душа наполнялась благодатью. Ночное озеро, костерок на берегу, звездное небо. Ведро с ухой, солидная доза спиртного, - все это сделало свое дело, и потянуло нашего Сережку на философию:

- Мать! - обратился он к Антонине Ивановне, растянувшись на лужайке и положив под голову обгорелый по бокам кругляш. - Вот была бы ты президентом России, что бы ты для народа сделала?

Антонина Ивановна рассмеялась и, не задумываясь, ответила:

- Я бы каждому взрослому гражданину повелела бы каждый день грамм по двести водочки наливать и бесплатно.

- С тобой все ясно! - махнул рукой Сережка. - Алкаши никогда Россию из кризиса не выведут. Если алкаши придут к власти, ничего хорошего у нас в стране не будет. За свои кровные и то сколько людей спивается, а на дармовщину и корова в стельку налакается.

Трезвые-то ходим наполовину дебильные, а если еще и глаза зельем зальем, это будет кошмар похлеще Хиросимы и Нагасаки...

- Не-е-ет, Валерка, - снова махнул Сережка рукой, - и тебя нельзя к президентскому креслу допускать. Ты такую живодерню в России устроишь, что весь мир ахнет...

- Давайте еще по кружечке, - предложил он после недлинной паузы. - А ты, инвалид несчастный, что думаешь по этому поводу?

Владимир сидел возле костра, широко раздвинув свои деревянные ноги и протягивая ладони к костру, наслаждался его теплом.

- Ну, что молчишь? - переспросил Сережка.

Владимир заулыбался, улыбка у него получилась какая-то хитрая. Неширокий лоб его, прикрытый редкими волосиками, сморщился.

- Да-а, - задумчиво проговорил он, - в наше время за такие рассуждения в Сибирь тайгу пилить увозили. А теперь совсем обдемократились. Такую ересь несут, хоть уши затыкай. - И, немного помолчав, добавил: - Лично я никогда президентом не буду.

- Это почему же? - удивился Сережка. - Сейчас у нас каждый гражданин президентом может стать. Выдвигай свою кандидатуру, разработай программу, собери нужное количество подписей и разворачивай предвыборную кампанию. И все. А если народу понравятся твои обещания, они проголосуют за тебя. А став президентом, и ты можешь сделать все для людей, что тебе хочется.

- И для себя, - ехидно вставила реплику в разговор Антонина Ивановна.

- Ну и для себя, конечно, - согласился Сережка, - а как же: быть у воды и сухим оставаться?! Люди тоже не поверят в это.

- Володька! - чуть было не закричала Антонина Ивановна, - соглашайся! Выдвигай свою кандидатуру. Мы тебя поддержим. Мы за тебя голосовать будем. Народ у нас жалостливый. Увидят, что ты без ног, а за Россию ратуешь - изберут. Ей Богу, изберут! И станешь ты у нас царем всея Руси. Безногих царей-то у нас еще не было? - спросила она.

- Нет, не было еще, - начиная смеяться, ответил я.

- Вот видишь! Мой племянничек говорит, что не было. Значит, ты у нас первым безногим царем будешь.

Веселый смех покатился над озером.

- Нет, не буду я царем, - обеими руками отмахнулся Владимир. - Кому инвалиды нужны. Кто со мной в Кремле нянчится будет?

- А я на что? - возразила Антонина Ивановна. - Сейчас с тобой вожусь, а царем-то станешь - и нянчиться буду.

Владимир захохотал:

- Ну, Тонька, - нянчиться она будет. Ты в Кремле всех моих министров алкашами сделаешь.

- Ну а ты, красавица наша, что скажешь по этому поводу?

Екатерина сидела совсем рядом с костром на чурбаке и, положив подбородок на колени, задумчиво смотрела на огонь. В полутемноте лесной поляны она казалась совсем маленькой. Одета она была просто. Непонятного цвета джинсы, стираные-перестираные. Джемпер, не то белый, не то серый, и сверху неброская ветровка. Стрижка у нее была короткая, казалось, что это и не волосы на голове, а резиновая шапочка, предназначенная для плавания под водой.

- Странный ты, Сережка, человек, - поднимая голову с колен, заговорила Екатерина. - И в школе такой же был. Сколько я помню, у всех выпытывал, кто о чем думает, а потом всех на смех поднимал. Смеялся над простаками и сейчас за старое взялся. Я ведь еще не забыла, как ты допытывался, люблю я тебя или нет. Ну и что, призналась я тебе, дурочка, в любви своей. А ты мою тайну по всей школе разбазарил. С тех пор знаешь, как я тебя ненавижу!

- Екатерина, - воскликнул Сережка, - да когда это было-то. С тех пор сто лет уже пролетело, а ты все вспоминаешь. Пора бы и забыть.

- Да-а! - возразила Екатерина. - Такое не забывается. Ты многим девкам мозги-то завинтил, до сих пор многие опомниться не могут, и я в том числе.

Стыдно тебе нашим девкам в глаза смотреть, которые нашли мужество в себе отвернуться от тебя и за других замуж выйти. Кроме меня все жизнь свою устроили и живут прекрасно. И хорошо сделали, что за тебя замуж не пошли, нахлебались бы горюшка, как Тамарка твоя хлебает сейчас.

- Ну, ты Тамарку мою не трожь, - возразил Сережка, - Тамарка здесь ни при чем, ты по существу говори, по делу.

- А я по делу и говорю, - продолжала Екатерина, видимо, осмелившись на такое обвинение под действием спиртного. - Мало того, что сам как сапожник лакаешь, ты еще удумал и весь наш город споить. Мужики и так у нас «на пяти крестах» бешеные, а ты своей дешевой бурдой масло в огонь подливаешь. Ты по вечерам деньги считаешь, а пьяные мужики семьи свои калечат. Думаешь, приятно жене, когда ее муж в зюзю пьяный возвращается. Ты думаешь, почему я замуж не выхожу? Думаешь, никто не прыгнет на меня? Нет, охотников много. Но я не хочу, я лучше одна как-нибудь век свой скоротаю. Я на мать свою насмотрелась, как

она всю жизнь с алкашом воюет, да и сама теперь спилась. Да чего об этом говорить. Все мы алкаши беспробудные. Если не жалко тебе бурды-то своей красной, плесни-ка лучше полкружечки, а то на душе у меня чего-то кошки скребут.

Екатерина замолчала. Молчали и мы. Где-то совсем рядом квакали лягушки. На другой стороне озера гремел своими чугунными колесами железнодорожный состав, а в звездном небе почти над нашими головами гудел невидимый самолет, и только по сигнальным огням можно было определить его ночной маршрут. Валерка подбросил дров в догорающий костер, огонь заметно оживился и высветил наши грустные физиономии.

- А такая баба, как я, - неожиданно снова заговорила Екатерина, - никогда президентом не станет. Да еще у нас в России. Наше дело детей рожать и воспитывать их.

У Екатерины на щеках появились слезы и, утирая их ладонью, она жалобно всхлипнула:

- Я тоже жертва несделанного аборта. Вы думаете, легко мне? Я чуть с ума не сошла, когда меня материнства лишили и мою Маришку у меня отобрали. Суки! Ну и черт с ними! Пусть воспитывают. Может быть, доченька моя алкоголиком не будет. Эх, жизнь паскудная! Да чего вы смотрите? Чего, ни разу не видели, как баба плачет? Сережка! Ну чего ты на меня вылупился, как в первый раз увидел? Наливай! Выпить хочу!

Я собрал кружки в одну кучу, взял обеими руками толстую и неудобную для разлива бутыль и начал разливать.

- Мне не наливай, - заявила Антонина Ивановна.

- Наливай, наливай, всем наливай, - приказал Сережка. - И как можно полней, а то она никак не напьется у нас. Сорок лет лакает эту бурду, и все ее жажда мучает.

- Скотина! - обиженно воскликнула Антонина Ивановна, поднимаясь с земли. - Сволочь! - и она резко пнула ногой наполненные кружки.

Кружки, расплескивая кислое вино, разлетелись в разные стороны. А одна из них закатилась в костер. Угли в костре зашипели, из него повалил черный и едкий дым. Пламя померкло, и лесную поляну обволокла темнота.

- Иуды! - завопила она. - Вырастила на свою шею, а они родную мать ни во что не ставят. Что я вам плохого сделала?! - впадая в истерику, закричала Антонина Ивановна.

- А чего хорошего? - строго спросил Сережка, собирая разбросанные кружки и снова расставляя их передо мной.

- Василий, наливай! - снова приказал он. - А ты, - обратился он к матери, - если еще раз пнешь, я тебя нафутболю, да так, что на середину озера улетишь.

Сережка вскочил на ноги и, растопырив над костром свои огромные руки, заголосил:

- Суки-и! Все-таки достали! Весь праздник души испортили.

Он пнул ногой костер, горящие головешки полетели в разные стороны. Сидевшие у костра кубарем покатились в темноту. Сережка схватил ведро с недоеденной ухой и швырнул его в ту сторону, куда убежала мать. Ведро, громыхая и звякая ручкой, покатилось по тропинке.

- Твари! - рычал он. - Опять душу разбередили!

Сережка сорвал с себя куртку, забросил ее на дерево и, сбрасывая на ходу огромные башмаки, стянул с себя рубашку и с разбега плюхнулся в уснувшее озеро, у самой воды успев сбросить с себя штаны.

- Он чего, утопиться решил? - испуганно спросил я у Валерки, возвращаясь к разбросанному костру.

- Да нет, - сказал Валерка и рассмеялся. - Это у него душа закипела. Вот он и побежал остужать ее. Сейчас раза два переплывет эту лужу туда и обратно и остынет. Это у него бывает.

Мы собрали разбросанные по поляне головешки, сверху наложили еще дров. Валерка упал на четвереньки и начал дуть на красные угли. Вскоре наш костер снова заиграл в темноте живыми лепестками огня.

Екатерина с трудом отыскала ведро, которое укатилось за деревья, и, пока мы разводили огонь, успела его помыть в озере, зачерпнула чистой воды и притащила к нашему кострищу.

Валерка проворно повесил его на перекладину, что коптилась в дыму и пламени, схватив широкую доску, что заменяла весло, побежал к лодке.

- Василий! - закричал он, отталкивая от берега плоскодонку, - Если не за падло, картошку почисть. А я за Сережкой помчался. Через полчасика мы еще жбан привезем. Гулять, так гулять! А вы за костром смотрите. Чтоб к нашему возвращению вода кипела. Понял?

- Да чего же здесь не понять-то, - ответил я. - Отчаливай, а то Серега раздумает еще.

Я подтащил сумку с картошкой почти к самой воде, и мы принялись за работу. Картошку я чистил неумело, она то и дело выскальзывала и меня из рук и плюхалась в воду. Екатерина, обратив на это внимание, тихо засмеялась.

- Сразу видно, что вы мужчина женатый.

- Это почему же? - спросил я.

- Да вы даже картошку чистить не умеете и нож в руке держите не по-людски.

Я немного смутился. И действительно, у меня в доме пищу готовили жена или дочка.

- А вы наблюдательная, - как бы извиняясь за свою неуклюжесть, проговорил я. - Даже такую мелочь и то заметили.

- А я на все внимание обращаю, - неохотно призналась она. - Я даже обратила внимание, что вы и вино как-то осторожно пьете. Сделаете два-три глоточка и кружку в сторону. Вы чего, непьющие? - спросила она и внимательно посмотрела в мою сторону.

- Ну, как вам сказать, - растерялся я, - бывает, выпиваю. Но такими дозами, как здесь, не приходилось.

- Счастливый, - не без зависти произнесла она. - А у нас маленькими глоточками и понемножку пить не умеют. У нас если пьют, так ведро враз подавай.

Екатерина замолчала, молчал и я. Она скребла ножом картошку и думала о чем-то своем.

На озере тихо, над водой начинает клубиться туман и становится прохладно. Ополоснув чищенную картошку в озере и сложив ее в целлофановый мешочек, мы возвращаемся к костру.

Владимир лежал возле костра, положив голову на чурбак, и храпел вовсю.

- Во! Самый счастливый! - воскликнул я. - Напился и на боковую.

- Да уж, - многозначительно протянула Екатерина. - Счастья у него хоть отбавляй. И в запазухе не помещается. Здесь с ногами и руками иногда жить не хочется, а ему каково на деревяшках-то?

Мне стало неудобно за свою неуклюжую фразу.

- Да я имел в виду не в жизни, а сейчас, в данный момент, - попробовал я оправдаться. - Вон, видишь, напился и на боковую.

- Жалко мне его, - присаживаясь у костра, печально проговорила Екатерина. - Тонька вообще его загнала в самый холодный угол жизни и высунуться оттуда не велит. У него же квартира своя была, а теперь нету.

- А куда же она делась? - спросил я.

- Как куда, - удивленно ответила она, - Антонина со своими сыночками пропила ее. А он у нее теперь живет, а какая там жизнь, сам знаешь. Один Валерка бешеный все нервы наизнанку вывернет, а здесь еще и мамаша маху не даст. Издеваются над ним, как хотят, а он у них вроде бы как за шута, игрушка или забава какая. И рад бы он убежать от них, а куда ему деваться. Свое жилье просрал, а с этими алкашами жить одно мученье. Вот и мается мужик, терпит, а слезы в глазах не просыхают. Вроде бы и не плачет, а заскрипит зубами от бессилья и видишь, как душа-то у него рыдает, аж самой другой раз разреветься хочется. Иногда он к нам приходит и просит приютить на несколько часов.

Я вопросительно смотрю на Екатерину, и она тут же отвечает на мой незаданный вопрос:

- Вы хотели спросить, почему?

- Да!

- А потому, что он просто-напросто спать хочет, а эти черти не дают ему покоя ни днем, ни ночью. Бросит моя мать ему телогрейку на пол, у нас у самих тесно. Комната одна, а мы втроем живем, - пояснила мне Екатерина, - а он и этому рад. Плюхнется на фуфайку, отстегнет свои деревяшки, чтоб культяпки немного отдохнули, и тут же вырубается.

- А голова-то у него работает, - немного помолчав, продолжает Екатерина. - Мужик он умный и совесть еще не совсем пропил, не то что некоторые. Ему бы бабу хорошую, и он нашел бы свое место в этой жизни. Но кто с безногим будет возиться. Тонька с ним живет только потому, что и она уже никому не нужна. Все-таки как-никак, а мужик рядом. И Сережка за счет него живет...

- Как за счет него? - удивился я.

- А так. Фирма-то на его имя зарегистрирована. Он же инвалид первой группы, а инвалиды налоги почти не платят. Вот Сережка от его имени и ворочает делами. Только вся прибыль коту под хвост улетает. Если бы не пили да не гуляли, давно бы уже миллиардерами стали. А то как заквасят, только шум стоит. Рожи у всех опухшие, глаза мутные, словно солидолом замазанные. А дури сколько наружу лезет, это видеть надо. Сегодня еще ничего, до драки дело не дошло. А сейчас привезут еще жбан, тяпнут по несколько кружечек и начнут с палками друг за другом бегать. Между собой другой раз сцепятся - не растащишь, а кто чужой попадет - ужас!

- А как же они вышли на Владимира? - спросил я.

- Да очень просто, - продолжая свой рассказ, ответила она. - Антонину нашу с очередной работы по тридцать третьей попрели за пьянку и за прогулы. И нигде больше устроиться не могла. А Володька, он классный специалист по трудовым книжкам. Любую запись свести может, любую печать нарисует, от настоящей ничем не отличишь. Его вся алкогольная братва в городе знает. Чуть что - к нему, а он любит с чужими книжками химичить. Любую книжку за два часа переделает, лучше новой будет, а понапишет в ней, прочитаешь - и медаль такому работяге вручить захочется за трудовые доблести. А Володьке что, ему пузырь поставят за это, он и рад-радешенек. Он и мне трудовую сделал, и Тоньке.

- Это как понимать? - недоуменно спросил я.

- Очень просто, - ответила Екатерина. - Антонина-то наша ждет не дождется, когда ей пятьдесят пять стукнет.

- И чего? - снова спросил я, ничего не понимая.

- Как чего? - удивилась в свою очередь моя собеседница. - На пенсию пойдет. И будет получать гораздо больше, чем вы, например.

- Это почему же?

- Да потому, что Володька ей там столько стажу рабочего накрутил, что и на троих хватит, да еще и вредность вмандрячил, а она уже лет десять нигде не работает, уже совсем забыла, как денежки заработанные пахнут...

Я слушал откровения Екатерины и мне становилось все муторнее. «Господи, - думал я, - до чего могут люди докатиться! Неужели вино играет в нашей жизни такую мрачную роль? В какую компанию я сегодня угодил, что это за люди, которые кроме вина ни о чем и помышлять не желают? Посмотришь, на вид вроде бы все нормальные и рассуждают по-человечески, как совершенно здравые люди. А сделали возлияние алкогольное, и крыша начинает ехать, а за душой ничего светлого не видать. Глаза непонятной злобой наливаются, сколько нехорошей энергии выплескивается. Для них и жизнь-то уже не в радость, а каторга. Они действительно, как дустом припорошенные, ползут по этой самой жизни, как жуки колорадские по грядкам и пожирают на своем пути все, что на глаза попадется, совершенно не думая о завтрашнем дне. Есть сегодня, что сожрать можно, и ладно, а на завтра еще чего-нибудь отыщем.

Господи, - мысленно взмолился я, - а что же было бы со мной, если бы я не уехал отсюда двадцать лет назад? Неужели и я был бы таким же пьяным чудовищем?».

Все это не укладывалось в моей голове. Я смотрел на Екатерину: вроде бы молодая еще женщина, и красотой не обижена. Можно жизнь еще устроить, годы не совсем потеряны. Можно

жить да радоваться и другим радость приносить. А здесь, передо мной, уже не женщина, а почти высохшее дерево с подгнившими корнями. Женщина, которая так рано охвачена увядающим пламенем осени, с пустыми и холодными глазами.

- А вы замужем были? - спросил я, не зная, о чем можно еще разговаривать с этой женщиной.

- Была, - кисло улыбнувшись, ответила она и, немного помолчав, добавила: - Только недолго мое замужество длилось. Выгнал меня муж. Я же с пятнадцати лет радость вина вкусила, а за десять лет так увязла в этом болоте, что и трактором не вытащишь. У меня же и мать пьяница беспробудная. Вот она и научила нас с сестренкой нос в рюмку окунать. Я-то ничего, а вот сестренка пострадала от этого жутко.

Однажды заманили ее в одну компанию, напоили до чертиков и хором ее... а потом на улицу выкинули. Она сильно пьяная была, а мороз, как назло, где-то за тридцать перевалил. Подобрали ее менты на дороге, в больницу отвезли. От смерти спасли, а руки она отморозила, гангрена началась, вот ей и оттяпали кисти рук. Сейчас она инвалидка, и сама мается, и нас мучает. Уж лучше бы совсем замерзла...

На другой стороне озера послышались голоса и печальные звуки аккордеона.

- Это наши лопочут там или нет? - прислушиваясь к голосам, спросил я.

- Наши, - ответила Екатерина, - кто же еще.

- Аккордеон где-то раздобыли, прислушиваясь к звукам мелодии, удивился я.

- Это они Генку захомутали.

- А кто он такой, артист?

- Да нет, какой там артист! Из него артист, как из меня балерина, но талант имеет. На «пяти крестах» лучше него, пожалуй, и не сыщется. За рюмку водки он и Штрауса сыграть может. А вы еще вино пить будете?

Я пожал плечами, не зная, что ответить. Пить мне больше не хотелось.

- Наверное, - неуверенно ответил я. - А впрочем, не знаю, как обстоятельства сложатся. Особого желания нет. Если только для поддержки компании. А вы?

- А я не хочу, - твердо ответила Екатерина. - Вина я больше не хочу. Я есть хочу. Я уже изрядно проголодалась. Вина-то у них много, а вместо закуски - вода из-под рыбы.

Знаете что, - неожиданно предложила она, - давайте картошку у них заберем и убежим.

- А куда? - удивленно спросил я.

- Да хотя бы к нам. В гости. Картошки нажарим. Давно жаренную картошку не ела. А здесь у них смотри, сколько ее, - кивая головой в сторону сумки, сказала она. - Куда им столько. Все равно выбросят. А дома хорошо и теплее, чем на улице. А у этого болота сидеть всю ночь до утра у меня что-то желания нету. Смотри, как холодной сыростью от него тянет. Я озябла.

Я поспешно снял с себя Сережкин балахон и накинул ей на плечи.

- Ой, что вы! - воскликнула она. - Я совсем не думала об этом, я просто так сказала.

И она попыталась вернуть мне куртку.

- Не надо, не надо, - остановил я ее, - мне совсем не холодно, не снимайте.

- Спасибо! - сказала Екатерина и, поправляя на плечах куртку, улыбнулась.

Предложение Екатерины было неожиданным, и я не знал, что ей ответить.

- Ну, что вы задумались? - снова спросила она. - Минут через пятнадцать они здесь уже будут, и придется нам всю ночь на эти пьяные рожи глазет и пьяные речи слушать. А Валерка с любовью начнет приставать.

- Ну, вы надумали? - снова спросила она. - Или хотите остаться и эту поганую бурду всю ночь лакать? А с нее по утрам знаете, как голова трещит.

- Да неудобно как-то молчком убегать.

- А чего неудобного? На меня все свалишь. Так и скажешь им: Катька, мол, соблазнила. Они в обиде не останутся. Для них чем меньше нахлебников, тем лучше.

Я посмотрел на Владимира, на угасающий костер, прислушался к пьяной песне на озере и сценарий ночного «пикника» мне совсем разонравился. Махнув на все это рукой, я согласился.

- Тогда хватай сумку с картошкой, - не давая мне опомниться, почти приказала Екатерина, - и бежим отседова.

Я взял сумку и половину картошки высыпал на землю. Сумку закинул на плечо. Екатерина поспешно схватила меня за руку и потянула в сторону леса, приговаривая:

- Скорей, скорей. А то они совсем уже близко.

Ночные улицы города казались мне незнакомыми. Я с трудом узнавал дома и магазины. Тополиные аллеи, подсвеченные лунным светом, были похожи на подземные тоннели. Когда-то в молодости я любил бродить здесь вечерами. Я любил звезды над этим городом. Я любил девчат, бегал с ними на танцы и мы гуляли

и гуляли до поздней ночи, а то и до утра. Сколько заветных мыслей рождалось на этих улицах, а какие мечты волновали мои сердце и душу! Но жизнь сложилась совсем иначе, не так, как когда-то хотелось и мечталось.

В поисках лучшей доли, убегая от подмосковной нищеты, в надежде отыскать свое счастье на стороне, я попал на волжские берега в город Ульяновск, где начиналось в те времена строительство нового и современного авиазавода. Красавица Волга, когда я увидел ее в первый раз, очаровала меня своей нежной синевой. Сколько широты, раздолья в ее голубых далях! Я думал, что красивее Подмосковья на земле и места-то не бывает. Но я ошибался. Волга со своими задумчивыми туманами и необъятной синевой вызывала во мне чувство восхищения. И прикипел я к ней и душой своей, и всем сердцем...

...Я оглядел маленький дворик, заросший старыми тополями. Глянул на подъезд, на окна квартир. Мне бросились в глаза ниши окон, я обратил внимание на кусок фанеры, который вместо стекла был вставлен в оконный проем. И непонятное волнение горячей волной прокатилось по всему моему сознанию.

«Господи, - подумал я, - неужели Екатерина привела меня туда, где я уже однажды был. И дом, и подъезд мне были знакомы. Да ведь здесь Нина Павловна когда-то жила. Я вспомнил рыжую девчушку, совсем молодую еще женщину, которая жила здесь со своими маленькими дочками и даже вспомнил, как их зовут. Вспомнил и тут же остолбенел.

«Катя и Лена», - чуть было не воскликнул я.

Я посмотрел на Екатерину, и молниеносная догадка снова обожгла мое сознание. Я почувствовал, как у меня по спине побежали раскаленные мурашки: «Неужели Екатерина - это дочка Нины Павловны?»

- Ну, чего вы остановились? - спросила меня Екатерина, открывая дверь подъезда.

- А вы на первом этаже живете?

- Да, на первом, а что?

- Да так, ничего, - уклонился я от ответа. - На первом этаже хорошо. Все как-то ближе к земле.

- Да ничего хорошего, - возразила она. - Вон, алкаши все стекла повыхлестали своими кулаками.

От непонятного волнения у меня опустились руки, и сумка с картошкой плюхнулась на землю.

- Ну чего ты сумку на землю бросил? Или устал?

- Да нет, не устал, она просто соскользнула.

- Ну тогда в руках неси. Мы уже , собственно говоря, и дома.

Екатерина открыла дверь подъезда и сказала мне:

- Ну, давай, заходи, пока я дверь держу, а то в темноте и лоб разбить можешь.

За дверью вспыхнул свет, и тут же высветилось множество щелей. Потом за дверью что-то зашуршало, на пол упало какое-то бревно, и дверь, издавая пронзительный скрип, приоткрылась, в образовавшемся проеме появилось заспанное лицо немолодой женщины.

- Ну, чего выглядываешь? Или дочь не узнаешь? Открывай.

- А ты с кем?

- А какая тебе разница. Жениха привела. Дядя Вася, заходите, - и она широко распахнула передо мной исковерканную дверь.

- Заходи, заходи! - поторопила меня Екатерина. - Чего так оробел? Никто тебя здесь не укусит.

- Мать, - обратилась она к худенькой женщине, - знакомься. Это дядя Вася. А это моя мама, пьяница беспробудная, - представила она.

- Какой дядя Вася еще? - удивилась женщина.

- Антонины преподобной племянничек. Мы с ним картошку принесли. Вон, посмотри, почти мешок цельный. У нас масло-то осталось?

- С утра было немного, - ответила женщина, внимательно разглядывая меня. - А вот жениха я чтой-то не узнаю, - задумчиво продолжала она. - Я всех Тонькиных племянников вроде бы знаю, а этот какой-то чужой, ненашенский.

- Ладно, мать, потом разглядишь, - перебила ее Екатерина. - Картошку почистить надо. Жрать хочу, как волчица.

- Картошка это хорошо, - залепетала женщина, - это мы сейчас, мигом.

Я смотрел на женщину и с трудом узнавал в ней Нину Павловну. «Господи, - подумал я, - во что же превратилась эта женщина. Кажется, совсем недавно она была такой молодой и красивой, а теперь - в гроб иногда и то краше кладут. Как жестоко с нами обращается время: за двадцать лет оно превратило эту женщину в древнюю старуху. Баба-яга в русских сказках и то выглядит намного симпатичнее».

Мне почему-то стало стыдно смотреть в эти печальные глаза, они выворачивали мою душу наизнанку. Она смотрела на меня внимательно и в то же время как-то вопросительно, словно спрашивая: а что нужно ему здесь, и с какими мыслями он ввалился в наши владения?

Она, видимо, что-то пыталась вспомнить, разглядывая меня, но это ей не удавалось.

- Мать, - не очень ласково обратилась к ней дочь, - ты чего на него уставилась, или мужика в первый раз видишь? Или дальнего родственника признала? Давай картошку чистить.

- Да вроде бы и знакомый, - тихо проговорила Нина Павловна, - да вот не припомню. С памятью у меня что-то в последнее время нелады. Мы раньше не встречались с вами? - спросила она.

Я пожал плечами, как бы давая понять ей, что вроде бы и нет, но уши мои предательски вспыхнули. Я почему-то постеснялся признаться ей в том, что мы действительно знакомы. Я боялся хоть чем-нибудь напомнить ей о том далеком вечере, когда я не смог защитить ее от обнаглевшего Генки. Я не знаю почему, но мне было стыдно. Я вспомнил, как обещал сделать ее счастливой, но после первой же трудности отказался от всех обещаний и убежал. Уехал и никогда больше не появлялся здесь. Я ловил себя на мысли, что в ее несчастной судьбе какую-то отрицательную роль сыграл и я. Неожиданно вспомнились и зимний вечер, и прогулка по ночному городу, ее мягкие и нежные губы. Я вспомнил, как у меня кружилась голова от ошеломляющих поцелуев, вспомнил ее веселые и счастливые глаза, которые сияли солнечным светом. А как она смеялась, когда мы, взявшись за руки, кружились на безлюдных улицах.

Мне вспомнилась пьяная физиономия ее мужа, и холодные мурашки защекотали мой позвоночник.

- Мать, ну чего ты, обледенела что ли? - снова спросила ее дочь.

- Да нет, ничего, - протирая ладонями лицо, как бы пытаясь снять с него туманную завесу времени, ответила она.

- Причудилось мне что-то. Думала, знакомый какой, а это совсем чужой. Видимо, приезжий, залетный. В наших краях такие не водятся.

Я присел на табуретку возле стола и не знал, что мне делать: уйти или остаться. Табуретка мне казалась раскаленной сковородкой.

Екатерина с матерью, растормошив сумку, взяли ножи и начали чистить картошку. Кухни в маленькой комнате не было, и пищу они готовили прямо здесь, возле двери, на маленькой электроплитке. Плитка была старая-престарая и казалась совсем черной.

- А выпить у нас нету, - зашептала Нина Павловна, наклоняясь к уху своей дочери.

- А зачем? - также шепотом ответила Катя.

- Ну как же, гость все-таки, - удивленно пробормотала мать.

- Перетопчемся.

- Неудобно как-то.

- Если бы мы хотели напиться, мы бы напились, - горячо зашептала Екатерина. - Мы только что от вина убежали. Сережка у Тоньки опять в загул пошел. Мужики на озере сейчас опять вино лопают, а мы ушли.

- Вот дура! Зачем ушли-то? - искренне удивилась Нина Павловна.

- Захотели и ушли, - осерчала Екатерина. - Сколько же можно вливать в себя эту бурду вонючую. Она уже в глотку не лезет. У меня изжога началась от этих возлияний. Организм не принимает эту отраву.

Я разглядывал печальное жилище трех женщин и не верил своим глазам. Расскажи друзьям и знакомым - не поверят. Как же в наше время, когда двадцать первый век на носу, и встречаются еще такие злачные места, от которых вся душа наизнанку выворачивается. Ну жили бы здесь мужики - еще понятно. Но здесь живут женщины. Все это у меня не укладывалось в голове. Я пытался поставить себя на их место, и у меня ничего не получалось.

Под потолком висела запыленная и засиженная мухами лампочка и светилась тусклым-претусклым светом, словно стесняясь высвечивать эту реальную житейскую жуть. Я смотрел на женщин и во мне росло омерзительное чувство брезгливости. Я никогда не думал, что женщины могут вызывать такие отрицательные эмоции, от которых сознание в голове словно бы раздваивалось.

Я разглядывал женщин при тусклом свете и мне казалось, что сейчас у меня от сдерживаемого негодования сердце остановится и я умру. Мне казалось, что душа моя свернулась в клубок, словно ежики, увидевший перед собой что-то непонятное и очень опасное.

А тем временем сковорода начала нагреваться, и в ней зашипело масло. Екатерина мелко порезанную картошку плюхнула в сковороду и, круто посолив, накрыла алюминиевой чашкой.

- И года не пройдет, как она зажарится, - пошутила она.

И тут кто-то громко и требовательно забарабанил ногой в дверь. Все вздрогнули, и даже младшая сестренка Екатерины испуганно открыла глаза и полушепотом спросила, протирая заспанные глаза розовыми культяпками:

- Кто это там в дверь-то ломится?

- Господи! - испуганно воскликнула Нина Павловна и метнулась к двери.

- Кто там? - пролепетала она, и мне показалось, что она от страха слегка побледнела, и тело ее задрожало, словно в лихорадке.

- Нинка! Это я, - раздался знакомый голос моей тетушки. - Открывай. Антонина преподобная к вам в гости пожаловала.

- О господи! - облегченно залепетала Нина Павловна, - принесла тебя нелегкая, - и, с трудом отодвигая в сторону бревно, запричитала: - Да не барабань в дверь-то. Соседи опять скандалить начнут.

И через некоторое время, с трудом открыв дверь, прошептала:

- Входи, коль принесла тебя нечистая.

В комнату ввалилась заплаканная Антонина Ивановна, под глазом у нее полыхал синяк, а правая щека у нее была намного толще, чем левая. В руках она в трудом удерживала огромную бутыль с остатками вина и крепко прижимала ее к животу, боясь выронить.

- Тоня, что с тобой? - испуганно спросила Нина Павловна, прижав свои маленькие кулачки к подбородку.

- Валерка, скотина, - почти завизжала Антонина Ивановна, - всю морду мне расквасил. Сволочь противная! Как я завтра торговать-то буду с такой физиономией. На, держи банку, - громко приказала она своей закадычной подруге, - а то уроню. Еле дотащила, такая неудобная, стерва.

Нина Павловна подхватила бутыль и поставила ее на стол перед самым моим носом.

- Вот и выпить бог послал, - радостно залепетала она и заметно повеселела.

- А что случилось? За что он тебя?

- Да гармошку ихнюю в костер уронила и ведро с ухой опрокинула.

- Ну и чего? - заинтриговано спросила Нина Павловна.

- Чего, чего, - передразнила ее Антонина Ивановна, - видишь - чего. Разукрасил, как бог черепаху. Ведро ухи ему дороже, чем мать родная. Вырастила ублюдков на свою шею.

- А Сережка чего же? Не заступился? - спросила Екатерина.

- Этот бугай вообще советовал меня в озеро головой засунуть. Ладно, я успела нож схватить, Валерку чуть было не зарезала, - разрыдалась она.

- Зарезала? - испуганно спросила разбуженная девица.

Она сидела на взлохмаченной кровати и культяшкой продолжала протирать заспанное лицо.

- Нет, - жалобно ответила тетка, - как его резать-то, поросенка, родной ведь, собственный, - и плюхнулась на край кровати.

Нина Павловна смотрела широко распахнутыми глазами на

Антонину Ивановну , на своих дочерей, на меня, на бутыль с вином и, виновато улыбаясь, потянулась к стакану.

- Мать, а мне? - пробормотала младшая дочь.

Она сидела на кровати, пряча обрезанные культяшки под одеяло.

- Вы сейчас пить начнете, а я слюнями брызгать?

- Да нет, доченька, как же я про тебя забуду, - испуганно залепетала Нина Павловна.

Она присела на край кровати рядом со своей дочерью и, поднося к ее губам граненый стакан, зашептала:

- На, пей, моя ласточка! Солнышко ты мое горемычное! Как ты обо мне плохо думаешь-то. Когда это я про тебя забывала.

Поддерживая стакан снизу своей культяшкой, Ленка большими глотками жадно втягивала в себя его содержимое. Вино было чересчур кислым и, может быть, поэтому она сморщилась и зажмурила глаза.

- Ну и кислятина, - пробурчала она, отталкивая пустой стакан. - Давно такой бурды в дом не приносили. Мать, дай чего-нибудь зажевать!

Нина Павловна засуетилась возле стола в поисках закуски, но на столе ничего не было.

- А в сковороде чего шипит? - раздраженно спросила инвалидка.

- Картошка жарится, - ответила мать.

- Давай картошку!

- Да она еще не зажарилась.

- Ну и пусть! Мне ложку одну и надо-то, чтоб во рту эту паршивую кислятину перебить.

Нина Павловна засуетилась еще больше. Она отыскала ложку, что почище, обтерла ее о свой халат, приподняла алюминиевую чашку, которой была накрыта картошка, зачерпнула несколько распаренных картофелин и почти с разбега сунула ложку в широко раскрытый рот дочери.

Картошка была горячая и, видимо, обжегшись, Ленка расширила глаза и чуть было не выплюнула все наружу. С трудом втягивая в себя прохладный воздух, гримасничая от боли, она все-таки разжевала горячую закуску и проглотила.

- Ты что, мать! - выкрикнула она, - совсем опупела! Всю глотку мне сожгла. Ты хотя бы подула на нее.

Нина Павловна смутилась, даже немного испугалась и покраснела.

- Сейчас, доченька, сейчас, - она снова метнулась к сковороде и, повторив всю процедуру, снова поднесла к ее рту ложку с кар-

тошкой, но уже предварительно остудила ее, несколько раз усердно подув, широко раздувая щеки.

- На, доченька, жуй на здоровье, ласточка ты моя бескрылая.

Елена снова поймала ложку ртом, словно птенчик, который ловит червячка, стараясь вырвать его из клюва матери, начала поспешно жевать.

- А-а, че-е-го ты говори-и-ишь, что она недожа-а-ренная, - с трудом проговорила она. - Даже очень дожаренная. Давай, корми меня. А то мы уже два дня ничего путного не жевали.

- Сейчас, доченька, подожди немного, в миску наложу, - опять залепетала Нина Павловна.

- А чего ждать-то? - вмешалась Антонина Ивановна. - Корми прямо со сковороды.

- Да ты что, Антонина, совсем спьянела? - возразила Нина Павловна. - Это и буду я с ложкой по дому бегать.

- А зачем бегать-то, глупая? Поставь сковороду к ней на колени, и бегать не надо.

Антонина Ивановна с большим трудом оторвала себя от кровати и, покачиваясь из стороны в сторону, направилась к электроплитке, схватив голой рукой железную ручку сковороды, хотела, видимо, перенести ее на кровать, но ручка была горячая и, завизжав от боли, она бросила сковороду на стол и запрыгала посреди комнаты, размахивая руками, словно отгоняя от себя невыносимую боль.

Сковорода плюхнулась на стол, немного скользнула по нему и врезалась в бутыль. Стеклянная посудина треснула и развалилась на несколько частей. Вино буро-красного цвета, распространяя по комнате специфический запах, разлилось и маленькими ручейками потекло вниз на грязный пол.

- Тонька! Дура! Ты чего же наделала?! - завизжала Нина Павловна. - И вино разбила, и картошку испортила!

Антонина Ивановна, увидев, что вино убегает на пол, схватила пустой стакан и начала ловить им струйки вина.

- Нинка! Нинка! Лови его! - закричала Антонина Ивановна, подставляя под веселые струйки широко распахнутый рот.

Нина Павловна послушно бухнулась на колени перед этим «винопадом» и, подставляя ладошки под струйки вина, наполняла их до краев и поспешно начинала хлюпать эту вонючую жидкость.

Зрелище было ужасное. Две взрослые женщины ползали вокруг стола на четвереньках и своими ртами и ладонями жадно ловили эту горько-кислую жидкость, размазывая коленями грязь.

- Племянничек, а ты чего стоишь, как барин? Помогай!

У меня потемнело в глазах.

- Скоты! - зашипела Екатерина. - Свиньи! - глаза ее налились гневом. - Настоящие свиньи! Да разве можно так? Вы люди или нет?!

Она схватила сковороду со стола и бросила ее на пол.

- Нате! Жрите! - крикнула она в отчаянии. - А то вам закусывать нечем, - и, громко зарыдав, метнулась к двери, с каким-то непонятным воплем откинув бревно в сторону, выбежала на улицу.

- Она чего, с ума сошла? - спросила Антонина Ивановна, удивленными глазами уставившись на меня.

Она все так же стояла на четвереньках, уже готовая вылизывать растекшееся вино с грязного пола.

- Да нет, - с трудом сдерживая себя от негодования, проговорил я каким-то уже не своим голосом. - Она девка совсем еще нормальная, а вот вы... - и я замолчал.

- А чего мы? - промычала Антонина Ивановна. - Ты чего морду-то скривил? Брезгуешь что ли?

- Да-а! Брезгую! - закричал я, уже не в силах сдержать своих чувств. - А еще женщинами называетесь! Какие вы женщины?! Вы даже не свиньи! - задыхаясь от гнева, закричал я. - Вы хуже их.

Мне хотелось сказать еще что-то мерзкое и оскорбительное, но я не нашел таких слов и, выбежав из комнаты, хлопнул дверью с такой силой, что штукатурка посыпалась со стены.

Часть пятая

После тесной и очень угрюмой комнаты ночная улица мне показалась почти небесным раем. Я жадно вдыхал в себя ночной воздух и никак не мог надышаться его свежестью. Я огляделся по сторонам, надеясь увидеть Екатерину, но ее нигде не было. Я обошел вокруг дома, заглянул во все палисадники, но она пропала, исчезла.

Мои размышления прервали две автомашины. На большой скорости они промчались мимо автобусной остановки и повернули к железнодорожному переезду. Милицейский «воронок» и «скорая помощь». «Что же там случилось?» - подумал я и, начиная загораться любопытством, направился в ту сторону.

Когда я подошел к машинам, метрах в двух от железной дороги и очень далеко от асфальта на окровавленной земле лежала женщина, вернее не женщина, а то, что осталось от нее после того, как колеса электрички разрезали ее на несколько частей. Милиционеры с брезгливыми гримасами прикладывали к туловищу руки и ноги.

Женщину я узнал сразу по ее одежде. Это была Екатерина,

которая совсем недавно сидела со мной у ночного костра, которая пыталась накормить меня жареной картошкой и она же только что была еще здоровая и живая, и вдруг - эта ужасающая картина. Я вспомнил, как жалобно засвистели тормоза, разбрызгивая рыжие искры. Так вот куда убежала она, когда я не мог отыскать ее во дворе. Что же с ней произошло: сама под электричку бросилась или случайно угодила, ослепленная гневом?

Лицо у нее очень бледное, а глаза широко раскрыты, и в них, как на сильном морозе, остекленел ужас. Мне стало дурно, меня начало тошнить и я почти в невменяемом состоянии отошел в сторону. Я видел, как вспыхивает фотовспышка. Ничего не понимая, я наблюдал, как уезжает машина «сокрой помощи». До моего сознания долетели осторожные слова дежурного врача:

- Товарищ капитан, мы уезжаем, мы здесь, кажется, не нужны. С трупами работать - это ваша обязанность.

Небольшая толпа зевак уже собралась возле милицейской машины. Некоторые высказывали свои версии по этому несчастному случаю.

- А кто это? Что за женщина? - спросил молодой парень.

Пожилая женщина, тяжело вздохнув, тихо ответила:

- Да чего вы, не видите что ли? Это же Катька из пятого дома, что не Менделеева. Да знаете вы ее. Мать у нее алкашка и сестра инвалидка безрукая. Господи! Отмаялась девка...

...Просидев возле озера около часа, я немного пришел в себя, после всего увиденного и пережитого за эту ночь я решил ехать домой к матери, которая жила недалеко от города в небольшой деревушке.

- Нет, хватит с меня, нагостился, - прошептал я сам себе. - Зайду сейчас к Сережке, переоденусь в свою одежду и укачу. Глаза на все это идиотство не смотрели бы!

Когда я подошел к Сережкиной квартире и позвонил, дверь мне никто не открыл, но я услышал заплаканный голос Тамары Николаевны:

- Кто там, такой закультуренный? У нас звонком не пользуются, дверь открытая, заходите, если жить не надоело.

Я осторожно толкнул дверь и вошел в коридор. Тамара Николаевна сидела на кухне и полотенцем утирала заплаканное лицо.

- Что случилось? - спросил я. - Сережка где?

- Спит, осел пьяный, - слезливым голосом проворчала она. - Наскандалился и уснул. Теперь весь день храпеть будет. А мне на работу опять не спавши бежать надо. Проходи, чего в коридоре застрял.

Я прошел на кухню и, как бы извиняясь за свой ранний визит, попытался объясниться:

- Я, собственно, всего лишь на минутку, переодеться да мне ехать нужно. У матери кое-какие дела еще есть.

- А чего так быстро нагостились-то?

- Хватит! - махнул я рукой. - И одной ночи достаточно. Во как! - И я прочертил рукой по горлу.

- А вы, поди, и не пили? - спросила она, внимательно разглядывая меня. - Совсем трезвые.

- Пил, - невесело возразил я, - только не такими дозами, как мои родственнички.

- Вы присаживайтесь, - предложила Тамара Николаевна, - сейчас кофейку сварим, - и она пододвинула к столу табуретку.

Я присел.

- Замучилась я с этими алкашами. Ни днем, ни ночью покоя от них нет. Лезут в квартиру, как тараканы на колбасу. И у всех у них дела к Сережке имеются. А какие у них дела, скорей бы глаза красной кислятиной залить. Других дел для них не существует. А мой-то президентом фирмы называется. Сутками лежит на кровати и руководит ими. А они бегают по всему городу, как шавки, якобы деньги добывают.

- Это хорошо, что еще деньги-то добывать умеют, - прервал я ее сетования.

- А чего хорошего? - возмутилась Тамара Николаевна. - Все ведь пропивается. А пьяные все дураками становятся, мой верзила так вообще в дурдом превращается. Ой, как все надоело! - воскликнула она. - Сволочь! Поросенок пьяный! Я его убью! - злобно проговорила она.

- Тамара, как же ты его убивать-то будешь, - попытался пошутить я, - он ростом в два раза выше тебя. Не справишься.

- А у меня ружье есть!

- Настоящее? - с усмешкой спросил я.

- Да! Настоящее.

- И патроны имеются?

- Имеются!

- Что-то мне не верится, - возразил я и покачал головой.

- Есть! Есть! - громко воскликнула она. - Хочешь, покажу?

Я неопределенно пожал плечами.

Тамара Николаевна выбежала из кухни и через некоторое время вернулась с двустволкой в руках. Мне стало не по себе, и в душе у меня появилась тревога. Заплаканная, обиженная семейными неурядицами, разгневанная да еще с ружьем в руках она была похожа на тигрицу.

- А как же дети? - спросил я, пытаясь хотя бы немного успокоить ее. - Мужа застрелишь, тебя в тюрягу упрячут, а дети сиротами расти будут.

Тамара Николаевна заплакала и, поставив ружье в угол, присела к столу, немного погодя злобно закричала:

- Все равно я его когда-нибудь застрелю. У меня уже ни сил, ни терпения нету. Кабан двухметровый. Всю жизнь отравил. Если бы я знала, что он так вино пороть будет, и близко не подошла к твари поганой. Застрелю! Все равно когда-нибудь застрелю. Надоело мне все.

В дверях появился Сережка. На нем были широкие штаны и домашние тапочки. Лохматая грудь перегородила всю дверь. Тамара Николаевна сидела к нему спиной, не видя его появления, и продолжала обливать мужа грязью. Сережка стоял в дверях, протирал кулаками заспанные глаза и слушал. И, постепенно вникая в жаркую речь своей супруги, видимо, сообразил, что она именно его чешет и в хвост, и в гриву. Я увидел, как его глаза начали наливаться гневом.

- Это кого ты расстреливать-то собралась? - с грубой хрипотцой спросил он.

Тамара Николаевна съежилась и замолчала.

- Это кого ты расстреливать собираешься?! - с нажимом переспросил он.

И тут увидел прислоненное к стене ружье. Он взял его в руки, раскрыл и начал бледнеть. Ружье было заряжено. Я видел, как его глаза начали наливаться яростью. Он молча сложил ружье, медленно, неторопливо взвел оба курка и, приставив ствол к ее затылку, снова спросил:

- Кого ты, сука, застрелить хочешь?!

Тамара Николаевна от страха начала сползать с табуретки на пол.

- Сережка! Ты что?! - закричал я и, бросившись к нему, вцепился обеими руками в прохладную сталь охотничьего ружья. - Брось!

Сережка нажал на спусковые крючки. Прогремел выстрел, ствол ружья обжег мои ладони. Кухонное окно разлетелось на мелкие части, и осколки стекла посыпались на землю.

Сережка выпустил приклад ружья, схватил свою жену за волосы, выволок ее в коридор и начал избивать.

- Сережка! - закричал я в отчаянии, - прекрати!

Я подбежал к нему и начал его отталкивать. Он повернулся ко мне, я встал в боевую стойку боксера. Сережка, уставился на меня бешенными глазами, замычал:

- Брат, убью! Лучше по-хорошему уйди. Я сам здесь разберусь.

- Не уйду! Ты убьешь ее!

Тут его увесистый кулак, похожий на пудовую гирю, мелькнул перед моими глазами, и врезался мне в лоб. Теряя сознание, я свалился на пол и растянулся в коридоре. Я лежал возле входной двери и подниматься мне не хотелось, у меня кружилась голова и в глазах наступили сумерки. Но я отчетливо слышал, как мой двоюродный брат избивает жену, но помочь ей чем-либо у меня не было сил.

Маленькая и беспомощная, она барахталась у него под ногами и умоляла о помощи.

- Сережка! - закричал я. - Нельзя же так!

Оставив жену в коридоре, он зашел на кухню, взял ружье и шарахнул его об холодильник. Дверь у холодильника оторвалась и с грохотом упала на пол. Ружье в руках Сережки треснуло и сломалось пополам.

- Я тебе застрелю! - прорычал он. - Я тебе устрою веселую и спокойную жизнь. Ты у меня на балконе вниз головой до Нового года висеть будешь.

- Сережка, ты чего, с ума сошел? - зашептал я, с трудом поднимаясь с пола.

- А ты молчи! Не твое это дело.

Он выхватил из холодильника недопитую бутылку водки, вытащил из нее пробку и, запрокинув голову, начал пить прямо из горлышка.

- Ты, Василий, давай собирайся и уматывай, - немного отдышавшись, уже спокойно проговорил он. - Сейчас менты сюда прилетят. Соседи уже позвонили, наверное. А мне лишние свидетели не нужны.

Я с трудом отыскал на вешалке свою одежду и, ощущая в руках дрожь, торопливо переоделся и, не прощаясь со своим братом, молчком вышел на лестничную клетку. И только здесь осмелился вдохнуть полной грудью. Отойдя метров двести от Сереж-

киного дома, я увидел, как к его подъезду подкатил милицейский «воронок».

- Господи! - прошептал я. - Ну и жизнь у них здесь, на «пяти крестах».

И больше не оглядываясь, словно убегая от этого кошмара, я быстро зашагал в сторону железнодорожной платформы.

Елизавета ПАРФЕНОВА

БЕЗ КОСТРА НЕЛЬЗЯ СОГРЕТЬСЯ

***

И снова дорога на север лежит,
А рельсы грохочут и поезд бежит.
За окнами иней и сильный мороз.
И в дальние дали несет паровоз...
Мне б только увидеть детей и внучат,
А рельсы грохочут, а рельсы стучат.
Мы с внучкою едем на север вдвоем,
Мы так далеко друг от друга живем.
Теперь за границею внучка моя,
Родных своих хочет увидеть она.
Нам хочется к Новому году поспеть,
В кругу своих близких чтоб всем посидеть.
А поезд как будто совсем не идет -
Все чаще и чаще встает и встает.
Но вот, наконец, говорят: Мегион.
В окно видим станцию - да, это он.
И сумки свои побросали мы с снег -
Тропиночка узкая, ходу-то нет.
А вот и навстречу к нам дети бегут,
Сажают в машину, до дома везут.
А доме тепло, хорошо и уют,
Нам за столом угощенья дают.
Попили чайку и скорее в постель.
А за окнами бродит чужая метель.

***

Я вдоль реки гуляла.
Вдоль реки Оби.
А в небе пролетали
Птицы лебеди.
«Курлы, курлы», - кричали,
Как будто бы прощались.
Мне крыльями махали
И с летом расставались.
На юг все улетали
Милые лебедушки,
Тепло с собой забрали
В далекую сторонушку.
Я в жизни не встречала
Столько лебедей,
Их взглядом провожаю
Как дорогих друзей...

***

Речку льдом
давно сковало.
Ребятишки все на льду.
Рыбаков-то сколько
стало!
Все идут, идут, идут...
Пододелись потеплее,
за спиною рюкзаки,
Несут шутки
и веселье,
Что за люди -
рыбаки!
Их морозы
не пугают,
Все спешат они на лед.
На морозе отдыхают, если рыба не клюет.
Ну а если есть поклевка,
Тут рыбак, уж не зевает!
Очень быстро, очень ловко
Рыбу эту подсекает.
А она еще живая и трепещется на льду.
Щука вон лежит большая,
Вон - ершишки на снегу.
Да, отменную ушицу
Вам к обеду подадут.
Будет вам рыбак хвалиться
И приврет всего чуть-чуть...

***

Мы костер разжечь хотели,
Приложили много сил.
Только так и не сумели -
Неумело сложен был.
Мы старались, колдовали,
Но гореть он не хотел.
Тогда кострище разобрали, -
Не горел, а только тлел...
Без костра нельзя согреться.
Что же делать и как быть?
Никуда теперь не деться -
Без тепла придется жить.

Иван ХМАРСКИЙ

СВЕТЛАНА

Повесть

Журнальный вариант

I

Вот уж поистине, друзья познаются в беде. После того, как папу сняли с должности и проводили на заслуженный отдых, только Славик продолжает относиться ко мне по-прежнему и очень поддерживает меня морально. Вчера, когда мы возвращались из пединститута, он мне давал советы да все утешал:

- Не расстраивайся, Света, все еще образуется. Вот увидишь. Подумаешь, отправили на пенсию! Хуже, если бы его турнули за взятки или казнокрадство. И потом, почти все друзья Платона Макаровича остались на своих местах. Неужели они позволят ему пойти на дно? Что-нибудь подыщут. Конечно, не в большом доме на площади, а где-нибудь в тихом закутке, но так, что и карман не пострадает, и персональная машина сохранится. Главное сейчас скромненько переждать непогоду, сидеть и не высовываться. Ты говорила, он собрался куда-то жаловаться?

- Папа все дни что-то пишет. Целую стопку бумаги извел. А позавчера дал мне проверить заявление на самый верх... Чтобы я поставила ему знаки препинания. Вообще-то он пишет грамотно, но тут такой случай, каждая запятая важна.

- Вот этого как раз ему и не надо делать. То есть стучаться на небеса. Ты знаешь моего дядю Толю? Так вот его снимали четыре раза... Че-ты-ре! И как с гуся вода. А почему? Потому что тактику правильную избрал. Не трепыхаться, а на спину - и лапы кверху: «Пардон, действительно немного оплошал, не учел, просмотрел и тэ де и тэ пэ. Благодарю за критику. Заверяю, учту, выправлю. Готов искупить промах на любом посту, куда направит партия». Улавливаешь? Не райком или горком, а партия! И, как видишь, держится на плаву: возглавляет задрипанный заводик под названием «Бочкотара». Что-то там сколачивают, клеят, клепают. Ящики под огурцы, бочки под капусту и прочую муру.

Цепляться надо, Светочка, цепляться... Времена такие, солнышко.

- Все дело в том, что папа очень горд. Он не привык унижаться. Всю жизнь на руководящих постах.

- Он горд! Милая, да кто же из нас не знает, что это такое? Вот дядя Толя! Посмотрела бы, как он восседает в своей «Бочкотаре». Снаружи помещеньице - глядеть не на что: какой-то старый купеческий лабаз с подслеповатыми оконцами. А внутри! Панели из полированного дуба, кресло в стиле Людовика Пятнадцатого, на полу - индийский ковер, стол заседания - величиной с волейбольную площадку, а в приемной сидит мамзель прямо из «Бурда моден». Вот это я понимаю - стиль! А ты говоришь, твой отец... Кляузников нигде не жалуют, так что напрасно он занялся эпистолярной деятельностью. Поговори с ним по душам. Он мужик башковитый и сейчас просто немного подрастерялся...

Я всегда поражаюсь Славкиному уму и его наблюдательности: он все замечает, все знает и за всем в институте следит не хуже наших преподавателей. О старших Славка почти всегда говорит снисходительно и с юмором, как о школьниках.

Отец Славы на БАМе, а мать в научно-исследовательском институте, наверное, кандидат наук или доктор. Так что деньжата у него водятся.

- Спасибо тебе, Славик! - я прижалась к его плечу. Не крепко, а так, в легком порыве благодарности. - В тебе есть практическая жилка, я чувствую: ты далеко пойдешь. И в науке, и вообще в жизни. И ты настоящий друг. А Мирка только притворяется, будто сочувствует нашей семье, а на самом деле втайне злорадствует.

- Между прочим, вчера наш Пантелеич вызывал ее в деканат и о чем-то долго с ней калякал. Вышла она из кабинета с бланком анкеты в руке... Так что не удивляйся, если твои документы на зарубеж засунут в ящик.

Я помрачнела. Неужели декан способен на такую подлость? Ведь только благодаря отцу институт смог заменить всю кровлю. А ремонт общежития! Сколько раз ректор обращался к папе! И после этого такая неблагодарность... А Мирка! Подруга, называется...

- Ты что пригорюнилась? - посочувствовал Славик. - Все это лишь мои предположения и нет причин расстраиваться.

- Славик! - сказала я очень серьезно, подводя его в сквере к скамейке. - Я в последнее время часто думаю о том, что ты мне сказал тогда, в декабре... Вот в этом самом сквере. Помнишь? Когда мы возвращались после смотра самодеятельности?

Он наморщил лоб и виновато развел руками.

- Ей-богу, что-то не срабатывает.

- Ну еще тогда ты хотел меня обнять, а я отбежала. Ты за мной погнался, споткнулся и упал в снег. Мы еще с тобой хохотали, а потом ты меня все же поймал, поцеловал и сказал эти слова...

- Кажется, теперь что-то такое припоминаю.

- Я тогда была глупа и ответила, что об этом не может быть и речи. О новом замужестве. Ты должен меня понять: тогда я еще не отошла от переживаний после развода. А теперь я совершенно успокоилась. Ведь мой бывший женился...

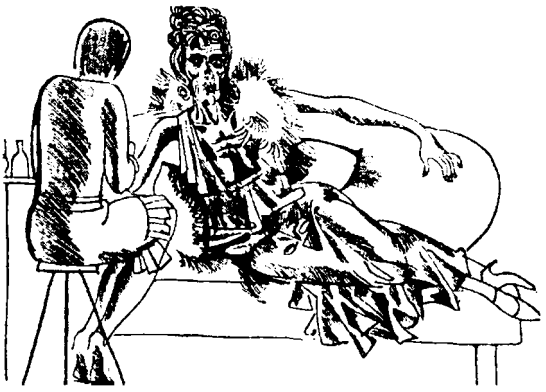
- Разве?

- Представь себе. Нашел себе какую-то крякву с утенком и, говорят, предовольнешенек.

- Ну что же: совет да любовь.

- Для меня он совершенно безразличен. Никакого интереса. Вот нисколечки... Я думаю, если бы ты сейчас повторил те слова, я бы ответила на них по-другому. Папа к тебе тоже очень хорошо относится, а о маме и говорить нечего. Хотя папа сейчас ушел в себя, но он будет рад, если ты снова начнешь у нас бывать.

- Милая, - сказал Славик как-то особенно задушевно, - я очень ценю твое доверие, а Платона Макаровича считаю личностью просто выдающейся. До сих пор не могу смириться с тем, что его... что он вынужден был уйти на отдых. Просто не успел психологически перестроиться к новым условиям. Я непременно зайду к вам домой.



II

А дома все без перемен. После того, как папа разослал письма, он накинулся на мемуары полководцев Великой Отечественной войны и почти не выходит из своей комнаты. Разве только по вечерам подышать свежим воздухом. Уже одолел Жукова и Рокоссовского, сейчас сидит над воспоминаниями Василевского. И

не просто читает, а разбирает военные операции по картам, делает в тетради выписки, пользуется справочниками, - как настоящий историк. Иногда даже разговаривает сам с собой, чего раньше за ним не замечалось.

А сегодня позвал маму из кухни и говорит:

- Посмотри, как наши проморгали в январе сорок пятого отход немецкой армии за Вислу. А виноваты командующие Белорусскими фронтами. Им бы ускорить наступление и захватить Мемель в середине месяца, а они растянули коммуникации и не выполнили указание Ставки. Я бы на месте Рокоссовского...

Обычно мама выслушивает полководческие соображения папы, но сегодня она не сдержалась:

- Ты бы лучше выключатель в ванной исправил, - сказала она сердито. - Крутишь, крутишь, пока зажжется лампочка.

- При чем здесь выключатель? - сразу же завелся папа. - Я тебе про Фому, а ты мне про Ерему. Выключатель! Позвони в домоуправление, пусть пришлют электрика.

- Уже звонила. Домоуправление обязано ремонтировать только внешнюю проводку - в коридорах и на лестничных площадках.

- Хорошо, я позвоню Прохорову.

- Председателю? Из-за выключателя? Я бы не советовала. Может, придется еще обращаться с просьбой по серьезному делу.

- С просьбой! К Федьке Прохорову! Да я на него только цыкну... Он же мне обязан своим выдвижением. Если бы не я, так и закис бы в месткоме птицефабрики до нового всемирного потопа.

- Ты, кажется, забываешь, Платоша, что ты уже не...

- Ничего я не забываю! - снова повысил голос папа. - И ты мне, пожалуйста, об этом ежеминутно не напоминай. Я сам, понимаешь, сам, добровольно ушел на пенсию, - запомни это! По возрасту. Где записано, что меня сняли? За какие ошибки? В каком протоколе? «В связи с уходом на пенсию» - вот что там стоит. Мне электрический самовар на прощанье подарили!

- Разве я спорю?

- Не ты, так другие. Жалеть меня, видишь, вздумали. Ах, ах, Платон Макарович! Вы столько сил отдали области, а с вами так обошлись... А я сам ушел, по собственной инициативе. Не скрою, какая-то обида есть. Могли бы хоть из приличия предложить остаться. Не догадались - тем хуже для них. Лишились еще одного опытного работника... Что-нибудь еще? - спросил он, видя, что мама не уходит.

- Картошка у нас кончилась, - сказала мама твердым голосом. - И морковь тоже.

- О, господи! Почитать человеку не дадут! - папа воздел глаза к потолку. - Позвони Трифонову, пусть подвезут с овощной базы. Конечно, за деньги.

- Уже звонила. Ответил, что теперь это строго запрещено.

Папа тяжело задышал.

- Вот как! И он... Ну хорошо, я сам схожу в магазин, - папа сделал ударение на слове «сам» и с достоинством выпрямился.

- В магазине сейчас моркови нет, а картошка такая мелкая, что даром не возьмешь.

- Доигрались! - торжествующе загремел папа. - Гонение на кадры еще ни к чему хорошему не приводило. Ценных работников - по шапке, а к руководству привлекли черт знает кого. И где их только откопали? Хотя бы этого Жмуркина, что сел на мое место. Всю жизнь выше районщика не поднимался. Вот увидишь, посадят они к осени область по всем показателям. То ли еще будет!

Тут я не вытерпела, выскочила из комнаты и, прихлопывая в ладоши, запела песенку под Алку Пугачеву: «То ли еще будет, ой-ой-ой!»

Папа вначале онемел от негодования, а потом взял себя в руки, усмехнулся и говорит:

- Врезать бы тебе ремнем пониже спины, да вроде неудобно - большая стала. Раньше надо было...

- Все же, где достать картошку? - донимает его мама.

- А вот это уж, извиняюсь! - папа театрально развел руками. - Тут я не советчик. Впрочем, позвони Рубцову, может, он подскажет. Он у нас все умеет...

Папа имеет в виду Первого. Прислали его к нам полтора года назад вместо Егора Ивановича. Тот тоже очень хороший был, такой веселый, а по внешности просто красавец! Любовались все, когда на трибуне стоял. А председатели колхозов пользовались его слабостью. Куда ни приедет - везде банкеты, угощения. Папа так и говорил: «Это они, подхалимы, его сгубили. А так бы еще работал да работал». Отец всю эту историю хорошо знает, потому что часто вместе с Егором Ивановичем ездил. И тоже было пристрастился.

А председателей колхозов, которые тратились на банкеты, почти всех поснимали. Но папу никто не выдал, потому что все его уважали и ценили . Думал, вообще обойдется, ан нет, не простили: подождали, когда исполнится шестьдесят - и сразу же на персональную оформили.

- Съездил бы ты на базар, заодно и говядины купишь, - подала идею мама.

- На чем? - удивился папа.

- На трамвае, на чем же еще.

Папа с недоумением покосился на нее и, не сказав ни слова, прикрыл дверь своей комнаты. Мама вздохнула и вернулась на кухню.

Бедный папа! Как мама не понимает, что ему стыдно ездить на трамваях. Вдруг кто-то из знакомых встретится... Последний раз он ездил на городском транспорте лет тридцать назад. А после повышения - только на «Волге», из-за этого и располнел, хотя каждое утро и делает зарядку.

А хорошо все же было с «Волгой». Летом каждую субботу папин шофер Вася увозил нас на дачу за шестьдесят километров от города. Места там божественные: берег Суры, вода чистая-пречистая, каждый камешек на дне виден, кругом огромные, мохнатые ели, березы, липы, аромат - закачаешься. Весной соловьи заливаются, горлинки воркуют, кукушка слышна. Просто прелесть одна! А на поляне бревенчатый домик с мансардой. На окнах узоры разные и вообще... В русском стиле. Под теремок сработан. Но внутри вполне современный: ванная, холодильник, телевизор, полированная мебель.

Как хорошо нам там жилось! Всем снабжением занимался дядя Витя, так что мама никаких забот не знала. Рядом дачи Гириных, Слободских, Егора Ивановича. Папа начал было хлопотать, чтобы постепенно выплатить деньги за домик по государственной цене с учетом износа и оставить его за нашей семьей навсегда, но в партийном контроле нашелся завистник, уперся, как бык, и даже пригрозил, что вынесет этот вопрос на бюро обкома. Так что папе пришлось отступить. Но папа был уверен, что найдет выход, тем более, что его недоброжелателя собрались перевести на работу в партархив. Бывают же такие типы: ни себе, ни людям.

III

Да, красиво мы там отдыхали, культурно. Поживешь в таких условиях и поневоле начинаешь себя к избранным причислять. Но папа строго-настрого наказывал, чтобы я нос не задирала. «Я из рабочей массы наверх поднялся, - говорил он мне не раз, - и не потерплю, чтобы ты себя какой-то принцессой воображала. И ты шофером Васей, пожалуйста, не командуй! Мала еще!» А я никогда и не командовала. Только попросишь иногда прокатить с девочками до города, чтобы в магазины сбегать или в кино сходить, и в тот же день обратно.

Мама тоже держала себя со всеми очень скромно, как рав-

ная. Даже уборщице исполкома Кате, которую привозили помогать нам убирать дачу, не давала почувствовать свое превосходство. Наоборот, отдала Кате два своих старых платья и подарила почти новую кофточку.

Даже не верится, что мы теперь всего этого лишились. За что? Где будем лето проводить - просто ума не приложу. А все началось с моего несчастного замужества. «Наперекосяк все пошло», - говорит папа. Это он, Вадим, принес в нашу семью все неприятности.

Первый раз я увидела его в гимнастическом зале. И сразу же влюбилась, как дура. Какое-то затмение нашло. Белая маечка, белые брючки, руки мускулистые, сам стройный, легкий, так и летает над снарядом. Ну я и готова... Даже смешно вспоминать. Все же какими мы легкомысленными в молодости бываем.

С тех пор, как свободная минута, я из корпуса, будто на крыльях, в спортзал. Может быть, увижу его. Волосы у него черные, вьющиеся, а глаза - ну просто обжигают. Девочки уже заприметили меня, между собой посмеиваются, а некоторые начали фыркать: вот повадилась «городничиха». Меня так некоторые за глаза называли еще с того времени, как папа в горисполкоме работал. Вадим тоже, конечно, заметил, что я обалдела, заговаривать стал, так и познакомились. Потом я его к нам пригласила. Папы не было дома, я нарочно такое время выбрала, чтобы с мамы осаду начинать, потому что предчувствовала отпор. После его ухода мама мне и говорит:

- Он, конечно, юноша видный, я не спорю, но все же человек не нашего круга. Откровенно говоря, мы с папой надеялись, что ты подружишься с Валей Ревуцким. Нам бы это было очень приятно. Его мама всегда так охотно со мной заговаривает и тебе постоянно приветы передает...

Валя - это сын директора автозавода. Мы с ним в одной школе учились. Тоже на мордашку смазливенький, но против Вадима просто цыпленок: плечи узенькие, сам нескладный и все время за книжками сидит. Говорят, математические способности у него.

Сейчас в МГУ на физическом факультете учится, элементарными частицами занимается. Но зачем мне элементарные частицы? Я так маме и сказала.

- Как хочешь, - вздохнула она. - Посоветуйся еще с папой. Главное, что этот Вадим из такой сомнительной семьи. Ты говоришь, его отец слесарь-сантехник? А все они шабашники и пьяницы.

- В домоуправлениях - да, - согласилась я. - А его отец на автозаводе работает. Это совсем другое дело. Он даже награды имеет... Не понимаю, что тебя не устраивает?

- Ты должна понять, что папе с его положением не со всяким хочется породниться. Ведь этого сантехника надо будет приглашать к нам. Ты об этом подумала?

Надо сказать, мама очень щепетильна в знакомствах. Сама она вышла из простой семьи, но у нее этот аристократизм, можно сказать, в крови. Должно быть, кто-то из предков был дворянином. Я в себе эту наследственность тоже иногда замечаю. В общем, собралась я с духом и вечером сразу же выпалила папе:

- Можешь меня поздравить, папочка, - выхожу замуж.

Думала, он взорвется, а он спокойненько отвечает:

- Поздравляю! Когда свадьба? Не забудь пригласить.

Я и язык проглотила. Ей-богу, не знаю, что сказать, только стою перед ним, глазами лупаю. Видя мое состояние, папа говорит:

- Садись, поговорим толком. Ты думаешь, новость мне открыла? Мы с матерью уже давно все узнали, что родителям знать положено. То, что ты влюбилась в этого физкультурника, это за версту видно, да как бы потом тебе, дочка, локти не пришлось кусать. Пойми меня правильно: я не имею ничего ни против него самого, ни против его отца. Наводил справки. Работает добросовестно, употребляет умеренно, в неблаговидных делах не замешан. Но если бы лично мне пришлось выбирать между сыном слесаря и сыном директора завода, я бы тут подумал да подумал. Павла Афанасьевича я десять лет знаю. В директорском кресле сидит крепко, предприятие растущее, поставляет продукцию в двадцать пять стран мира. В министерстве - свой человек. Чем черт ни шутит, завтра-послезавтра назначат его начальником объединения, а там и в заместители министра выйдет. А у этого слесаря какая перспектива?

Ну тут я взвилась:

- Папа, я ведь выхожу замуж не зав автозавод, а за человека. Какие вы оба отсталые, просто стыдно слушать!

В общем, до слез себя довела и их обоих как следует пристыдила.

- Ладно, ладно, - папа добродушно похлопал меня по спине, - Не убивайся. О тебе же заботимся. Раз так втюрилась - выходи, будь по-твоему, а там видно будет.

Больше всего я боялась первой встречи с родителями Вадима. Но оказалось, ничего страшного. Вполне приличная трехкомнатная квартирка, даже стенка в общей комнате стоит. Жили они вчетвером: отец Константин Петрович, мать Анна Петровна, Вадим и его старшая сестра Тоня. Остальные братья и сестры уже имеют свои семьи и живут отдельно. Константин Петрович совсем не похож на Вадима: небольшого роста, худой, жилистый. Только в глазах что-то от Вадьки. Посмотрел он на меня пристально и похвалил:

- Ничего, пухленькая...

- Ладно, замнем для ясности, - покраснел Вадим.

Потом, как водится, их пригласили для знакомства к нам. Сели за стол. Мужчины выпили коньяку, женщины - шампанского. Мама подвигает гостям закуски:

- Попробуйте, Константин Петрович, еще осетринки. Свежая. А вы, Анна Петровна, съешьте еще бутербродик с икрой. Берите, берите, не стесняйтесь.

- А нам в своем отечестве стесняться некого, - хмуро отвечает мой будущий свекор. - Чай, мы не иностранцы какие, Вероника... извиняюсь, Шалфеевна, кажется?

- Алфеевна, - скромно поправила мама.

Папа незаметно бросил строгий взгляд на маму: не усердствуй!

- Да, жизнь налаживается, - продолжал рассуждать Константин Петрович. - Все бы ничего, а вот здоровьишко, как говорится, на ноль целых, хрен десятых...

Мы с Вадимом переглянулись и фыркнули, папа тоже улыбнулся, а мама чуть в обморок не свалилась.

- Константин Перович! Разве же можно такие слова? Да еще при молодежи.

- А что? Это присказка такая. Не слыхали? Если что не так, извиняюсь, - и как ни в чем ни бывало уплетает бутерброды.

IV

Уже после свадьбы мама мне сказала:

- Ты себе как хочешь, а все же постарайся, чтобы у нас они бывали как можно реже. Меня это травмирует.

Свекор и свекровь и сами почувствовали, что не ко двору, и почти перестали навещать маму и папу. А вот с Вадимом мы первое время душу в душу жили. Но уже тогда я замечала, что отец

и муж словно приглядываются друг к другу и выжидают чего-то. Ну, папу я понимаю: все же он был разочарован тем, что я не устроила свою судьбу, как ему хотелось. А Вадим? Казалось бы, чего ему еще? Жил у нас на всем готовом, можно сказать, катался как сыр в масле. Тем более, что в своей семье ничего хорошего в детстве не видел. Пять человек детей, Вадька младший. Тут даже при хорошей зарплате на такую ораву не напасешься. Вот и донашивал после старших разное тряпье. А мы ему сразу же два костюма купили: один серый, для работы - такой благородный цвет и материал совершенно не мнется, - другой - выходной, темно-синий в светлую полоску. Надел первый раз - сам себя не узнал. Белая рубашечка, бордовый галстук в косую линию - прямо киноартист. Хоть сейчас на «Мосфильм» посылай. Вот и возомнил о себе, начал с папой пререкаться. Вначале будто шутя, мимоходом, дальше все нахальнее и злее. Папа-то хотел от души, как старший, подсказать ему, как надо себя вести, а он в ответ или молчит, или сказанет такое, что отец только нальется краской, засопит и проворчит: «Ну как знаешь...»

До сих пор не могу забыть, как они сцепились в последний раз на даче прошлым летом. Папа приехал из горисполкома такой оживленный, созвал нас всех около дивана, начал рассказывать о том, что в областном Совете по туризму освободилась должность заместителя председателя. И что он уже беседовал с нужным человеком о том, чтобы на нее взяли Вадима. Мама и я обрадовались, потому что это уже номенклатурный работник. А Вадим молчит, будто его и не касается.

- Тебя что же, не устраивает это место? - удивился папа.

- Да я в туризме мало смыслю, - отвечает он. - Только в походах с ребятами бывал.

- Не боги горшки обжигают, - успокаивает его папа. - Я тоже вначале в горисполкоме как в дремучем лесу себя чувствовал.

- И что хорошего? - уставился не него Вадька.

- А то, что если каждый будет бояться выдвижения, мы совсем в стране без руководства останемся. Случай подвернулся редкий, по образованию ты подходишь, чего же еще кочевряжиться? Главное, тут перспектива для роста открывается. А в школе? Ну дослужишься ты в лучшем случае до завуча или даже до директора. А что такое директор школы? Рабочая лошадка! Все его дергают, все им помыкают, за все он в ответе. Пойдем дальше. Допустим, дослужился ты до заведующего районо. А у него зарплата, как у рядового учителя... А в Совете ты фигура, ты на виду. В твоих руках турбазы, теплоходы, гостиницы, путевки, круизы, поездки за границу. Сразу же появятся знакомства с нужными

людьми, установишь полезные контакты, станешь вхож в большой дом, могут зачислить в резерв на выдвижение. Тем более, ты еще молод, политически выдержан, можешь далеко пойти. Только вот почему ты тянешь со вступлением в партию?

- По-моему, сейчас многие думают о том, как бы избавиться от партбилета, - брякнул Вадим.

- И ты поверил этой брехне! - вскипел папа. - Партия сама очищается от разной накипи. Помяни мое слово: скоро эти перебежчики будут проситься обратно, но мы их на пушечный выстрел к себе не подпустим.

- У меня другие планы, - нехотя ответил Вадим.

- Какие, если не секрет?

- Тут ребята из группы СРБ выдвигают меня кандидатом в депутаты горсовета.

- Вот как! А я и не знал. Что же молчал до этого? И какую же должность тебе предлагают твои друзья?

А Вадька ему так нагло, с ухмылочкой:

- Еще окончательно не решили. Наверное, кресло председателя.

- Поздравляю, поздравляю! - заулыбался папа. - Очень, очень рад. Как-никак свой человек в горсовете будет. В случае чего подскажи секретарше, чтобы пропустила меня на прием без очереди.

- Так и быть, подскажу.

- Кстати, что это за СРБ?

- Свобода, Равенство и Братство.

- Ах, эти! Либералы-обиралы или как их там. В общем, демократы... А в монархисты ты еще не пробовал записаться?

- Пока нет.

- Напрасно, напрасно. Очень не хватает нам сейчас царя-батюшки. Вон пишут, будто и претендент уже появился. Ждет не дождется, когда его позовут. И давно ты посещаешь эти сборища?

- Мы их называем собраниями, - все так же спокойно говорит Вадька. - А посещаю я их с самого первого дня. Кстати, в следующее воскресенье созываем на стадионе городской митинг.

- Вот молодцы! - усмехнулся папа. - Давно пора. Очень не хватает нам сейчас митингов. И какие же лозунги выдвигаете?

- Потребуем отставки всех секретарей обкома и верхушки облисполкома. А потом - новые выборы.

- Значит, меня тоже по шапке? - заулыбался папа.

- Выходит, так, - усмехнулся Вадим.

- Ну, спасибо! Отблагодарил за все, - папа встал с дивана, по-

дошел к столику, налил из бутылки нарзана и поднес стакан к губам. Пьет, а зубы о стекло стучат. Мне даже страшно стало. - Что же, теперь это в моде - не церемониться со старшими. Так им и надо, старым ослам, что допустили до всего этого, проглядели... И тебе, дочка, тоже земной поклон за то, что привела его в нашу семью. Спасибочки! - папа повернулся в мою сторону и взаправду отвесил низкий поклон.

- Смешно, - сказал Вадим.

- Что именно вам смешно, дорогой зять?

- То, что пожилой человек ломает комедию.

- Так, так. Слышишь, жена? В комедианты мы с тобой попали. Смейся, паяц! А теперь послушай, что я тебе скажу напоследок... После всего, что я услышал, жить нам вместе, как ты и сам понимаешь, несподручно. Тебе не нравится наш образ жизни - хорошо. Поживите со Светкой без нас. Снимите где-нибудь квартиру и, как говорится, скатертью дорога!

- Платоша! - воскликнула мама. - Зачем горячиться? Остыньте оба.

- Нет, мое решение окончательное, и я его не изменю, - непреклонно заявил папа.

- Не возражаю, - хладнокровно ответил Вадим. - Я и сам об этом уже думал.

- Тем более, тем более, - подхватил папа. - Так и порешили.

Отец надел шляпу и ушел с гордо поднятой головой. Пока они спорили, я прямо оцепенела, слова не могла вымолвить, а тут пришла в себя и подбежала к Вадиму.

- Что ты наделал, несчастный? Догони сейчас же папу и извинись!

- И не подумаю.

- На что мы жить будем?

- На свою зарплату. Как все. Ты что паникуешь?

- Как хочешь, а я из дома никуда не уйду. Вплоть до развода... - вырвалось у меня.

Вадим нахмурился.

- Ты это серьезно?

- Да!

- Хорошо, я подумаю, - проговорил он медленно, затем резко повернулся и вышел на веранду. Там висела его спортивная куртка. Видимо, решил попугать меня. Ничего, у меня нервы тоже крепкие. Наблюдаю, что будет дальше. Ага, надел куртку, молча вернулся, взял портфель-дипломат и направился в прихожую. Должно быть, обувает кеды.

- Что это он надумал? - мама с беспокойством вышла на веран-

ду, из которой хорошо видны двор и дорога. - Уходить на ночь глядя? Да еще пешком? Пойди, отговори его.

- Не буду. Пусть уходит, раз он такой.

- Он ведь ждет тебя.

Я подошла к маме. Вадим остановился возле крыльца, достал сигареты и стал закуривать. В сторону веранды и не глядит. Думал, я позову. Как же, разбежалась. Завтра заявится как миленький. Постоял он так минуты две, затем встряхнулся и направился по лесной дороге в сторону города. Солнце уже стояло над самым лесом. Ничего, сейчас многие огородники возвращаются домой на машинах, проголосует - кто-нибудь подберет. За ночь одумается и утром заявится. Как миленький.

А он так и не вернулся...

Благодаря папиным знакомствам развели нас быстро и без шума. А после того, как Вадьку избрали депутатом горсовета, а папу отправили на пенсию, отец сказал мне и маме:

- Чтобы этой фамилии в нашей семье я больше не слышал.

V

О женитьбе Вадима я узнала неделю назад. Больше всего его поступком возмутилась мама.

- Я всегда считала его человеком непорядочным, - сказала она с оскорбленным видом. - Из-за какой-то мелкой ссоры изломать тебе жизнь. А родители... Хотя бы пришли посоветоваться. Да чего ждать от такой семьи? Ты, Светочка, теперь совершенно свободна и можешь устраивать свою судьбу заново. Вон дочка Ахметзяновых вышла замуж за военного, уехала за границу и живет припеваючи.

Мама - наивный человек. Легко сказать: устраивай свою судьбу. Наташка Ахметзянова вышла за своего лейтенанта еще на первом курсе, когда он был курсантом, а я этот возраст уже пропустила. Мне надо искать капитана или хотя бы старшего лейтенанта. А где их найдешь, если все они женатики? И почему обязательно выходить за военного? Хорошо, Наташке повезло, а если мужа отправят служить в какую-нибудь Бурятию или на Чукотку, что тогда? Нет, буду держать курс на Славика, чувствую, он далеко пойдет. Поедем вместе в аспирантуру в Москву или в Ленинград, он будет диссертацию писать, а я так поживу. Вечерами в театры и на концерты будем ходить или просто гулять по улицам.

Я было совсем размечталась. Смотрю в тетрадь по политэкономии, а ничего не соображаю. Нет, так нельзя, надо заставить себя сосредоточиться. Конспект писала Мира под копирку специ-

ально для меня. У нас уж так заведено: кто приходит в этот день на лекцию, тот пишет в двух экземплярах: для себя и для подруги. Почерк у Мирки размашистый, разборчивый, читать можно. Ну-ка что там дальше? Господи, какая скукотища! И кому это нужно? А никуда не денешься. Этот Чугунов такой свирепый, чуть что не так, сразу же двойку и с жалобой у куратору: ваша Молодцова опять на практических отсиживается. А если мне сейчас не до этого, если мне не лезет в голову вся эта сухомятина?

В комнату вошел папа.

- Готовишься?

- Ага, политэкономию учу.

- В почтовый ящик не заглядывала?

- Так ты же еще утром взял газеты.

- Иногда и днем приносят. Я имею в виду письма.

- Нет, не смотрела. Да ты не волнуйся, скоро пришлют. Все образуется.

- Это что еще ты за слово такое подхватила?

- Почему только я, все так говорят.

Папа ничего не ответил и хотел уже уходить.

- Пап! - остановила я его. - Надо бы посоветоваться по одному делу.

- Что там еще?

- Есть опасность, что меня могут не послать на стажировку. Помнишь, ты хлопотал?

- Кто тебе об этом сказал?

- Слава намекнул.

- А, этот говорун...

- Напрасно ты о нем так пренебрежительно. Очень умный, эрудированный молодой человек. В аспирантуру собирается.

- Поди ж ты. Откуда ему о тебе стало известно?

- А он вообще все знает, что у нас в институте происходит.

- Есть такие... Ну и что дальше?

- Как что? Надо же какие-то меры принимать. Позвони ректору.

- И пальцем не пошевелю.

- Почему?

- Зачем тебе туда ехать?

- Вот странно! Как будто сам не знаешь: совершенствоваться в английском.

- Мало тебе своих тряпок. Все шкафы ими забиты.

- Ну это уж я не знаю что... Это уж совсем... Так думать о собственной дочери!

Тут в разговор вступила мама.

- Успокойся, Платоша, - сказала она примирительно. - У тебя может повыситься давление. А ректору Балабанову все же надо позвонить. Еще лучше съездить и лично переговорить. С какой стати Свете лишаться такой возможности! Я уверена, с твоим авторитетом ты решишь этот вопрос запросто.

- Был авторитет, да на пенсию весь вышел, - сердито ответил папа.

- В таком случае я сама переговорю с ректором, - сказала я решительно. - Завтра же пойду на прием.

- Вот это правильно, - насмешливо согласился папа. - Сходи, сходи, он, конечно, тебя с распростертыми объятьями примет. Как же, дочь самого Молодцова! В лепешку расшибется, чтобы услужить.

Напрасно папа иронизировал. Валерий Семенович как раз встретил меня на другой день очень приветливо.

- А, Света! - привстал он, улыбаясь. - Рад тебя видеть. С чем пожаловала, Василиса Прекрасная?

Он всем говорит «ты». И студентам, и преподавателям, и служащим. Я собралась с духом и сразу же выпалила:

- Валерий Семенович, это правда, что мои документы на стажировку в Англию отложили?

Спрашиваю, а сама жду, что он сразу же рассеет мои сомнения.

- Правда, - отвечает он спокойненько. И в лице никакого смущения. Даже улыбается, будто сообщил мне какую-то приятную новость.

- Но это же несправедливо! - возмутилась я. - Вы же мне обещали!

- Все верно, обещал, - продолжает он улыбаться.

- Так что же изменилось? Почему вы стали относиться ко мне хуже?

- Я к тебе отношусь лучше, чем к родной дочери. Но пойми, золотая моя, не имею права. Нельзя, голубушка. Хвост за тобой еще с четвертого семестра тянется: до сих пор нет зачета по пионерской практике. Как же мы пошлем тебя в Великобританию, если ты задолжница? - печально улыбнулся он. - Так что постарайся, красавица моя, хвост ликвидировать, иначе и стипендии тебе не назначим.

- Как же мне теперь быть? - спросила я растерянно.

- Понимаю и сочувствую, - Валерий Семенович приложил руку к груди, - но дело это вполне поправимое: в мае сходишь в гороно, поработаешь полмесяца с ребятишками, только и всего. Как папа? - лицо Валерия Семеновича осветилось какой-то тихой радостью.

- Отдыхает или уже к новой работе приступил?

- Пока нет. Предлагали ему одно место, но его там не устраивает коллектив.

- И хорошо сделал, что отказался. Коллектив - это основа всего! Передай папе мой большущий привет. Так и скажи: Валерий Семенович шлет поклон и самые сердечные пожелания. А насчет стажировки не обижайся, тут я бессилен. Всей бы душой рад, но... - Валерий Семенович вздохнул и тут же нажал на клавишу селектора: - Проректора по хозчасти ко мне! - приказал он уже другим голосом.

Мне стало ужасно неловко, что я отрываю его от дела.

- Извините, Валерий Семенович, я пойду, - и тихо закрыла за собой дверь.

VI

Не понимаю, почему некоторые в нашем институте считают ректора хитрым. А он очень простой и ко мне относится действительно по-отечески. После беседы с ним я как-то сразу успокоилась и перестала думать об этой стажировке. А то ведь после возвращения надо еще отчет писать о том, что ты там сделала.

Папа вечером выслушал мой рассказ о беседе с ректором очень внимательно, но повел себя как-то странно.

- Спасибочки за привет, - приложил он руку к груди точно так же, как это сделал Валерий Семенович. - Очень меня он этим утешил. Вот он где у меня, - и показал рукой на сердце.

А Славик, которому я на другой день передала все, что услышала от ректора, почему-то возмутился:

- Ах, лиса-Алиса! Ах, Патрикевна! Какой спектакль разыграл! У меня тоже неприятности. Завтра распределение, а мне составили кисленькую характеристику, с которой просто неприлично поднимать вопрос об аспирантуре. Декан советует выбрать какую-нибудь деревню, до выпуска заслужить полноценную характеристику и, когда распределительный бум стихнет, поговорить с ректором тет-а-тет...

- Ну что же, так и сделай. Я уверена, у тебя все получится. Ты

такой предприимчивый, напористый. Я сама рядом с тобой чувствую себя увереннее.

- Ну, пока! У меня в три консультация, - и Славик зашагал на второй этаж. Длинный, худой, лохматый. А все-таки в нем что-то есть.

На другой день я специально пошла в главный корпус, чтобы узнать, как идет распределение. Ведь через год мне предстоит это же испытание. Славика как раз вызвали на комиссию. Возвратился он скоро, вид довольный, просто светится весь.

- Все о`кей! - сказал он, потирая руки. - Слыхала что-нибудь о Шелукше?

- Никогда в жизни. Где это?

- А вот смотри! - Славик развернул карту и показал на обведенную карандашом точку. - На самой границе области. Все капризничали, перебирали, а я сразу: хочу в Шелукшу! У ректора просто брови поползли вверх, но он тут же начал меня нахваливать в назидание другим: «Правильно, Мальков, нечего за асфальт да за ванную цепляться. Глубинку надо поднимать». А потом заглянул в мою характеристику и будто неспелого яблока откусил: «Что это тебе тут написали? «Не отличается скромностью, самоуверен, противопоставляет себя группе...» Как же это так? Боевой парень, неплохо учишься и вдруг вразрез с коллективом пошел?»

Ну я ему тоже в этом простецком стиле: «По молодости, Валерий Семенович. Уже осознал, извлек уроки, так что в будущем ничего подобного не повторится». В общем по рецепту дяди Толи: «учтем, выправим, приложим все силы»...

Так что, Светочка, перед тобой молодой специалист и сельский житель. Возьму в аренду пару гектаров пашни, разведу поросят, баранов, гусей и начну решать продовольственную программу.

- Ну перестань дурачиться! А вдруг твой план не получится?

Славик серьезно помахал пальцем перед своим носом.

- Это исключено. Главное сейчас добиться хорошей характеристики.

Бедный Славик! Если бы он знал, какой удар ему готовится... Все же он слишком уверен в себе. В общем, через неделю в областной комсомольской газете появилась статья о направлении в сельские школы выпускников инфака. Заглавие - «По велению сердца», подпись - «М.Пряжкина». Мирка! Она и раньше посылала небольшие заметки , а тут разошлась на целую статью. И о том, как в селах не хватает учителей иностранных языков, и о том, с какой гражданской ответственностью отнеслись наши выпуск-

ники к этому важному этапу в их жизни. Особо отмечен Вячеслав Мальков, который одним из первых выразил горячее желание отправиться в самую глубинку, подав тем самым пример другим...

Мамочка моя! Что же теперь будет? Как теперь Славке выкручиваться из этого положения? Я еле дождалась следующего утра и помчалась в институт. Славик встретил меня в коридоре мрачнее тучи.

- Читала? - кивнул он на стенд, где вывешивались вырезки из газет. - Вот когда она, кобра, меня подкараулила. Одним ударом с копыт свалила. На всю область восславила. Попробуй теперь дать задний ход... Не иначе сам ректор ей эту мысль подбросил. Придется на год ехать.

- А как же я? - сама не понимаю, как это у меня вырвалось.

- В каком смысле? - хмуро спросил Славик.

- Я к тебе так привыкла... Без тебя мне здесь будет очень одиноко.

- Ах, в этом. Мне без тебя тоже. Но что поделаешь? Будем переписываться. Ну, я побежал, надо выяснить в облоно, как в Шелукше в жильем...

Вот и еще одна моя надежда рухнула. Чувствую, как на глаза наплывают слезы, а ничего не могу с собой поделать. Подошла к витрине «Окно в мир», делаю вид, будто рассматриваю фотографии, а перед глазами по-прежнему все расплывается.

- Света, а я тебя повсюду ищу!

Голос Миры, но я не оборачиваюсь - стыдно этих глупых слез.

- Что с тобой?

Она зашла сбоку и с удивлением уставилась на меня своими круглыми черными глазами. Я достала из портфеля платочек и осторожно промокнула ресницы.

Губы у Миры, как у ребенка, которого обидели.

- Да что случилось?

- Голова что-то разболелась.

- Хочешь, таблетку достану?

- Не надо, и так пройдет. Ты зачем Славку в газете расписала?

- Так его же сам ректор похвалил. Другие хитрили: то мать больна, то бабушка при смерти, а он сам в деревню напросился!

- Кстати, поздравляю!

- С чем?

- Ну как же - стажировка в Англию...

- Понятия не имею.

- А зачем декан тебя вызывал?

- В стройотряд командиром назначили. Будем коровник в совхозе «Белозерский» сооружать.

- Кого же тогда вместо меня посылают?

- Краем уха слышала, что Ромку Гордеева, но за точность не ручаюсь. Скорее всего все же его. Новое общежитие строить-то надо, а Ромкин папочка - как-никак директор домостроительного комбината. Ректора тоже понять надо...

И тут на меня напал неудержимый смех. Что-то вреде истерики. Отбежала в угол, делаю вид, будто кашляю, закрываюсь платком, а остановиться не могу.

- Ну ты сегодня даешь! - обиделась Мира. - То в слезы без причин ударилась, то будто на передачу «Вокруг смеха» попала... К политэкономии подготовилась?

Вот тут уж мне действительно стало не до смеха.

VII

Папа наконец получил должность. Правда, без машины и далеко от дома, на самой окраине города, но оклад вполне приличный. Я так поняла, что они где-то в степи роют канавы, а потом заполняют их водой. В общем, мелиорация. Раньше папа в облисполкоме тоже за сельское хозяйство отвечал, но каналами ему не приходилось заниматься, поэтому сейчас он отложил мемуары полководцев и набрал в библиотеке книжек о трубоукладчиках, землеройных машинах и другой технике.

Мама заметно повеселела. Одно плохо: добираться на работу трудно. Вставать приходится в шесть утра, выходить из дому в семь да еще на трамвайной остановке ждать. У нас в городе трамваи часто идут сначала в одну сторону, а через полчаса - в другую. Никто не может объяснить, почему это происходит. Славка острит: одностороннее движение во избежание давки. Но папе сейчас не до шуток. Вчера ему пришлось ждать трамвай целых тридцать минут.

- Я бы этих подлецов из транспортного управления под суд отдал! - негодовал он. - А самого Колпакова лишил бы персональной машины. Пусть добирается городским транспортом, как все. Тогда бы он знал, как работает этот транспорт. А сидя в машине, каждый может руководить.

Вообще папа в последнее время стал часто возмущаться разного рода неполадками. Около нашего подъезда рабочие вырубили прекрасные липы, которые мы посадили восемь лет назад. Начали было разрывать теплотрассу. Потом пришел прораб, покачал головой и сказал, что они роют не в том месте. Поэтому вырубили оставшиеся деревья и пригнали огромный экскаватор, после чего все рабочие куда-то исчезли, а котлован остался. Пошел дождь, его залило водой, и теперь у нас во дворе все боятся, как бы здесь не утонул кто-нибудь из детей.

Папа кому-то звонил, кричал в трубку, но ему ответили, что надо позвонить по другому телефону. Папа набрал другой номер, но тот телефон постоянно занят, и папе пришлось положить под язык таблетку валидола.

- Ты так совсем изведешь себя, - успокаивает его мама. - Если на всех жаловаться, то надо бросить работу и только этим заниматься.

- С руководства надо начинать, - сказал папа. - С них наводить порядок. Гнать взашей неспособных, не умеющих работать по-новому.

Когда я рассказала Славику о папиных мытарствах с транспортом, он только снисходительно улыбнулся:

- Я просто удивляюсь наивности Платона Макаровича. Есть же простейший выход. Неужели не знает?

- Какой?

- В его организации должна быть спецмашина. И не одна. Какая-нибудь лаборатория или амбулатория на колесах. Догадливые начальники в этих случаях снимают с такой машины оборудование, приспосабливают ее под персональную, а надпись оставляют. Видела, сколько на улицах бегает ветеринарных машин, газослужб, автобусов с красным крестом? Ты думаешь, кого они возят? Двойная выгода: и шофер по штату положен, и бензин законно расходуется. Дядя Толя, тот вообще обменял один из грузовиков «Бочкотары» на персональный уазик. Так что подкинь эту мысль родителю. Как говорил один древний мудрец из Одессы, хочешь жить - умей вертеться.

Вечером я поделилась Славкиной идеей с папой.

- Ну и жулик твой Слава растет, - сказал папа. - Прием этот изобрели тысячу лет назад. Раньше, чем автомобиль придумали. ГАИ вылавливает таких ловкачей ан улицах пачками. Почту брали?

- О, я и забыла! Тебе письмо.

- Из Москвы?

- Да, из редакции.

Папа трясущимися руками разорвал конверт, вынул небольшой листок, попробовал прочитать, но глаза у него заслезились.

- Погоди, за очками схожу. Или прочитай сама, у тебя глаза молодые.

Я громко прочитала: «Уважаемый тов. Молодцов П.М.! Ваше письмо от 25 марта текущего года получено. Секретарь отдела писем А.Чеботарева».

- Это все? - изумился папа.

- Все.

Папа смял в кулаке листок и молча отправился к себе. Я тихонько заглянула в приоткрытую дверь. Сидит за брошюркой, должно быть, изучает землеройную технику. Все-таки какими наивными бывают старики. Неужели он думал, что в столице все, кому он писал, сразу же оставят свои дела и мигом ринутся исправлять допущенную к нему несправедливость?

На факультете новость: Слава записался под занавес в фольклорный ансамбль. До этого там были одни девочки. На вечерах у нас часто выступали. В длинных красных сарафанах, в кокошниках с протезными косами, прямо русские красавицы. Мирка у них заводилой. Приглашали и меня, но я как-то стесняюсь, ни разу нигде не выступала. Им в ансамбле нужен был парень, который бы притопывал, а никто из наших инфаковцев не соглашался. Да и ребят у нас раз-два и обчелся, не факультет, а женский монастырь. Вот Славка и согласился, но поставил условие, чтобы ему засчитали это как общественное поручение и вписали в характеристику. Сказали: хорошо, учтем, пусть только притопывает добросовестно.

На первомайском вечере увидела я его на сцене и ахнула, ну совсем не похож не себя: в длинной красной рубахе с поясом-шнурком, в картузе и сапогах, худющий, нос еще острее стал. Но притопывал так, что над сценой пыль, как дым при пожаре, заклубилась, и я от грохота уши пальцами заткнула. Никакого смущения, будто он всю жизнь плясал.

После концерта мы встретились в вестибюле.

- Ну как? - спросил он.

- Потрясающе! Я и не знала, что ты умеешь так хорошо притопывать.

Слава подмигнул.

- Пошла плясать, дома нечего кусать. Остался какой-нибудь месяц. Скачи, враже, як пан каже. Между прочим, дядя Толя из «Бочкотары» перешел во «Вторичное сырье». Кабинет уже отделывает и новую секретаршу подыскивает...

В тот вечер натанцевалась я до упаду. Прапорщик один подвернулся, внимание оказывал. Две звездочки на чистом поле. Не первой молодости, но приятный, снабженцем в военной части работает. Первая семья, как и у меня, не сложилась, ищет подругу жизни. Записал на бумажке мой телефон. Все бы ничего, да алименты выплачивает.

VIII

Потрясающая новость! Папин выдвиженец Федька Прохоров добровольно ушел из горисполкома и стал директором коммерческого банка. Вчера он позвонил папе и пригласил его в свою контору. Вернулся отец какой-то растерянный. Рассказал мне и маме, что Прохоров предложил ему от банка большую ссуду, чтобы сначала взять в аренду, а потом выкупить его строительную организацию. Условия самые заманчивые: сам себе хозяин, зарплата втрое больше, чем сейчас, «Нива» для разъездов, а впереди - миллионы. У меня даже дух захватило. Дочь миллионера! Как в Америке. Вот тогда бы женихи вокруг меня забегали...

Мама ухватилась за эту возможность и начала уговаривать папу:

- По-моему, Платоша, тут и думать нечего. Соглашайся, только вот с партбилетом неудобно... Отнеси его потихоньку самому Рубцову. Объясни, что ты не против партии, а хочешь побольше заработать, чтобы потом оказывать ей помощь.

- В меценаты, значит, податься? - усмехнулся папа.

- А что тут особенного? Раньше ведь русские купцы помогали Ленину?

- Ну нет уж, - проговорил папа. - Билет я не отдам. Я, конечно, не против частной инициативы. Почему работящему человеку и не завести свое дело, урону от этого социализму не будет. Маркс в этом вопросе немного перебрал. Но реставрировать капитализм - это уж извините. В общем, пока не решили, как быть, но об этом никому ни слова.

Но через несколько дней я встретила Славку и не утерпела, поделилась новостью.

- Ты говоришь, отец еще колеблется, - сказал он. - Ну и глупо. Самые дальновидные в аппарате давно смекнули, что сейчас

власть у того, у кого кошелек потолще, и быстренько пристроились в кооперативах и фирмах. Веяние времени, первоначальное накопление. Вперед к светлому будущему человечества - капитализму! Дядя Толя, тот мгновенно сориентировался в новой обстановке и взял ссуду, чтобы выкупить свою контору «Вторсырье». Мечтает в ближайшее время заграбастать и «Бочкотару». Кстати, мне предлагают должность клерка-переводчика в русско-американской фирме «Светлячок». Половина оклада в валюте, два раза в год поездки за бугор. Но я еще подумаю. Начал зондировать почву в одной бирже насчет брокерского места. Надо найти богатеньких дядей, чтобы заплатили миллиончик за это место и затем стригли бы через меня купоны. Только и всего. Смекаешь, какие времена настали? Сейчас главное не зевать.

- А как же с деревней? - вырвалось у меня.

Славка с изумлением округлил глаза.

- Посмотри на меня повнимательней, - сказал он. - Я очень похож не идиота?

- Нисколько, но ведь могут через суд... Государство затратило на тебя столько денег.

- Да о чем ты говоришь? Какое государство? Кто с ним считается? Старые законы почили в бозе, новых нет или они не исполняются. В парламенте заседают полусонные кретины и болтуны, в стране никакой власти, а ты меня стращаешь каким-то судом! Да плевать я на него хотел! На месте твоего родителя я сжег бы партбилет в присутствии корреспондентов, чтобы все знали: Молодцов полностью очистился от марксистской скверны.

- Папа такой идейный, он даже до сих пор платит взносы.

- Это его дело, но с таким же успехом он мог бы этими бумажками оклеивать стены вашей квартиры.

- Не знаю, ничего не знаю, совсем запуталась, - сказала я. - Кто прав, кто виноват, кому верить, как дальше жить?

- А мне как раз это и интересно, - с каким-то злорадством проговорил Славка. - Как на чемпионате по боксу: кто кому сильнее морду набьет.

На другой день, 18 августа, папа вернулся с работы поздно и очень возбужденный.

- Телевизор включали? - спросил он из прихожей.

- Нет, а что?

- Правительственное сообщение! Введено чрезвычайное положение! Власть перешла к государственному комитету!

- А Горбачев? - всполошилась мама.

- Заболел. В Крыму отлеживается... В общем, доигрался

Миша. И поделом: не виляй между нашими и вашими. Между прочим, видел сегодня твоего дурачка, - повернулся папа ко мне. - Муженька бывшего. Топчется под дождем с плакатиком на груди вместе с такими же сопляками. Протестуют, видишь ли, против ГКЧП. И смех, и грех. Думаю, завтра их милиция разгонит. Чувствуется, новый комитет решил навести порядок. Давно пора.

- Может быть, и о тебе, Платоша, вспомнят? - сказала мама.

- Я сам о себе теперь вспомню, - усмехнулся папа.

Вдруг дверной звонок. Открываю - Слава.

- Не прогоните? - спрашивает. - Добрый вечер! Решил заглянуть на огонек. События такие разворачиваются, что посоветоваться надо.

- Проходи, проходи, - добродушно проговорил папа. - А я думал, ты сейчас на площади вместе с демократами митингуешь.

- Я, Платон Макарович, беспартийный большевик.

- Из тех, кто ждет, чья возьмет?

- Береженого бог бережет.

- Смотри, не прогадай. Сейчас самое время поддерживать новую власть.

- Вы так уверены, что они удержатся?

- Тут и сомневаться нечего. Силища какая! Вон сколько танков в Москву нагнали.

- Посмотрим, посмотрим....

- Ох, и осторожный ты, хлопец, - покрутил головой отец. - Не по возрасту. Да я в твои годы, можно сказать, горел!

- Те годы давно канули в Лету, Платон Макарович. Да и что принесло ваше горение? Я имею в виду не вас лично, а ваше поколение. Цели благородные, а ведь кроме разбитого корыта вы нам не оставляете ничего.

- Разбитое корыто! - возвысил голос отец. - Ну нет, голубчики! Даже когда у власти стояли Никита и герой Малой земли Леня, полки магазинов ломились от товаров. А вы со своей авантюрной перестройкой развалили страну! Это же надо только представить: великая держава, богатейшая природа, а побираемся по миру с шапкой, как нищие! Подайте, господа хорошие, на бедность бывшей сверхдержаве!

Папа вдруг побледнел, приложил руку к груди и опустился на стул.

- Накапай мне корвалола, - попросил он меня. - Капель тридцать.

- Извините, Платон Макарович, - забормотал Слава. - Я не знал, что вы принимаете все так близко к сердцу. Больше о политике ни слова.

- Никуда ты от нее не убежишь, - досадливо сморщился отец. - Она сейчас в каждом из нас, как гвоздь, торчит. И рад бы избавиться, да не вытащишь. Вся надежда сейчас не этих восьмерых. Может быть, хоть им удастся спасти страну. А нет - конец...

Отец выпил лекарство и, тяжело передвигая ноги, прошел в спальню. Слава торопливо простился.

Все дни московского путча отец лежал в постели. Мама и я старались не включать телевизор, но газеты он требовал, прочитывал их с начала до конца и все больше мрачнел. А когда все кончилось, написал заявление об увольнении.

IX

Вот октябрь наступил. Самая красивая пора в нашем городе. Желтые клены и всякое такое. Как на картинах русских художников. В общем, золотая осень. Папе гораздо лучше, и врачи в областной больнице разрешают ему гулять во дворе. Мы с мамой бываем у него по очереди каждый день. Сегодня приехала я. Долго беседовали о жизни. Как странно: пока он был здоров, нам почти не о чем было говорить. Перебросимся обычными словами, и все: «Как здоровье? Как учеба? Что нового?» У папы были какие-то свои заботы, я, став взрослой, утратила для него интерес, а вникать в его служебные дела мне и в голову не приходило. А сейчас мы с ним будто заново друг друга открыли. Оказывается, папа очень умный человек, много пережил, передумал и не только после ухода не пенсию, а и до этого.

- Считай, что вам с мамой крупно повезло, - сказал он, когда мы уселись на скамейку под кустом сирени. - Врач говорит, некоторые после первого инфаркта живут по десять лет.

- Почему только нам? В первую очередь тебе.

- Я свое в основном прожил, а вот вам без меня туговато бы пришлось. Тебе особенно, дочка. Лицом и телом бог тебя не обидел, а вот на разум поскупился старик. Не обижайся, как отец об этом говорю.

- Разве я виновата, что такой дурочкой родилась?

- Дураками и дурочками, дочка, не рождаются, их мы сами научились выращивать. Признаюсь откровенно: очень испугался я, как сюда попал. Бессмертных людей нет, а вот умереть не вовремя - страшно.

- Разве когда-нибудь люди умирают вовремя?

- Не знаю, а вот не вовремя умирают часто. Уходят с тяжкой мыслью, что не так заканчивают жизнь. Вот думаю, думаю бессонными ночами, когда она у меня свернула с прямой дороги на кривую, и никак вспомнить не могу. Начинал хорошо, старался честно выпол-

нять свой долг, а потом сам не заметил, как от людей отдалился. И рядом со мной такие же подобрались. Сцепились мы локтями в плотный кружок, чтобы не дай бог кто со стороны не проник, отгородились бумажками от жизни и тешили себя мыслью, что мы-то и есть самая соль земли, что без нас все остановится и придет в упадок. А вышло вон оно что... В одночасье все рухнуло. Все!

- Главное, ты выздоравливаешь, - сказала я. - Не надо мучить себя воспоминаниями о своих ошибках и не надо тебе больше работать. Отдыхай, чтобы прожить подольше.

- А зачем?

- Неужели тебе это надо объяснять? А обо мне не волнуйся. Я как-нибудь свою жизнь устрою.

- Это серьезно? Кто-нибудь есть на примете?

- Даже двое.

Папа пристально взглянул на меня и почему-то вздохнул.

- Через неделю меня выписывают, - сказал он, - дома все обговорим и примем решение.

Я так и не поняла: то ли он подшучивал над своим канцелярским языком , то ли произнес слова «обговорим» и «примем решение» по привычке.

По дороге домой зашла в магазин молодоженов. Почему-то вспомнилось, как мы с Вадимом перед свадьбой выбирали здесь кольца и захотелось еще раз хотя бы на миг пережить волнение и радость тех дней. И сразу же встретила здесь Миру.

- Ты что здесь делаешь? - удивилась я.

- Да вот кое-что к свадьбе выбираю.

- Кому? - не поняла я.

- Себе. Кому же еще?

- Выходишь замуж? И молчала!

- А что раньше времени трезвонить? Мы со Славкой еще на прошлой неделе подали заявление.

- С каким Славкой? - по инерции спросила я, замерев от дурного предчувствия. - Неужели с Мальковым?

- Почему - неужели?

- Но... Ты о нем всегда была иного мнения...

- Я и сейчас о нем так думаю: шалопай, Емеля-пустомеля, вообразил себя исключительной личностью. Но я из него эту дурь выбью, он у меня как миленький вкалывать будет.

- А как отнеслись к тебе его родители?

- Да никак. Отец, алкаш, оставил их, когда Славке десять лет было, а мать только рада, что Славка семьей обзаводится.

- Она, кажется, а научно-исследовательском институте работает?

- Ага, уборщицей. Такая добрая женщина. Славка для нее единственный свет в окне. Мы, пока институт окончу, у нее поживем, накопим монету, квартиру себе купим. Хочу попросить тебя быть свидетельницей с моей стороны при регистрации. Надеюсь, возражений нет?

- Нет, Мира, - машинально ответила я.

- Спасибо! Как здоровье отца?

- Ему уже лучше. Нынче его выписывают. Мы договорились с мамой поехать за ним на такси в двенадцать часов. Так что извини, тороплюсь.

Я вышла из магазина на улицу, добежала до телефонной будки и позвонила домой. Мама подошла к телефону не сразу. Я уже хотела положить трубку, но услышала слабый голос мамы:

- Это ты, Света?

- Да. Ну как, едем за папой?

- Ты только не волнуйся, доченька... - медленно выговорила мама и замолчала.

- Да что такое? Папе опять хуже?

- Тут вот какое дело... - мама всхлипнула. - У папы ночью была бессонница, он принял слишком большую дозу снотворного и пока еще не проснулся...

Окончание следует.

В.ДОМБРОВСКИЙ

ИСТОРИЯ ПРИЧЕРЕМШАНЬЯ И НЕ ТОЛЬКО...

Очерк

Удивительно живучи легенды, мифы, придуманные историками советского периода и воспринимаемые нами и сегодня, особенно в обделенном интеллектом народном образовании российском!

Один пример: куда ни глянь, к чему ни прислушайся, какую публикацию ни прочти - везде послушно повторяется легендированная в нашем крае история о древних булгарах, о Булгарском ханстве...

Но вот вспоминаю свои студенческие годы, когда все мы - гуманитарии (да и не только) Казанского госуниверситета часто собирались в общежитии на половине, где жили историки, слушали рассказы вернувшихся из экспедиций товарищей, спорили, отста-

ивали смелые научные гипотезы, уже тогда шедшие вразрез с официальной наукой. По сей день в центральном историческом музее Татарстана главным хранителем работает ведущий в республике специалист по домонгольскому «периоду родного края» Александр Таравердян. Так он как раз и был среди первооткрывателей в лесостепном районе между Набережными Челнами и Мелекессом нового по тому времени государства - Биляры. Привозил с раскопок древних городищ любопытные вещицы, монеты, черепа, утварь. Показывал нам, участвовал вместе с профессором Ахтамзяновым в разработке исторической гипотезы, напрочь опровергавшей бытующую и поныне легенду о булгарском (болгарском) происхождении земель и народов Средневожья и Прикамья.

Думаю, будет полезно и нам знать основу этой, подтвержденной годами трудов археологов и теоретиков, истории родного края. Хотя бы иметь ее в виду, обучая детей.

В Поволжье живут татары, никогда не завоевывавшие Русь. Ничего общего с монголами не имевшие и не имеющие! Факт достоверный уже и тем, что в науке еще русскими революционными демократами середины XIX века это было досконально доказано. Волжские татары - это народ, который на своей земле остановил монгольское нашествие.

Вспоминаю любопытный рассказ Саши Таравердяна о том, что работавший с ним на раскопках Биляра набережночелнинский поэт Женя Кувайцев написал всем полюбившуюся песню. Вечерком у костра археологическая молодежь пела под гитару:

«Биляры, мои Биляры, -
Поросшая степь травой...
Лавиной прошли татары,
Сравняли тебя с землей...»

И вот после слов «лавиной прошли татары» обязательно кто-то из местных ребят обидчиво допевал: «монголы!»

В интервью газете «День» профессор МГИМО Абдулхан Ахтамзян с полной ответственностью говорит, что раскопки Биляра свидетельствуют, что все поселения эти были сожжены монголами в начале XIII века.

«А жили волжские булгары в этих краях еще с VII века. Пришли они из Приазовья. Другая часть булгар двинулась на Дунай и осела там, утеряв со временем язык... Татары и башкиры - это ведь самые восточные европейцы. Европа во все века имела свой естественный предел по Уралу. После сражения с войсками Батыя почти половина населения волжских булгар была истреблена, а их государству уже никогда не позволили восстановиться. Почему и возникла Казань: бежавшие на другой берег Камы жители вскоре основали город, а затем - Казанское ханство и традицию государственности заменила исламская солидарность, которая помогала народу выжить...»

Исторически достоверно, что, во-первых, билярцы на несколько лет «притормозили» нашествие монголов на собственно Русь, оказывая ожесточенное сопротивление завоевателям, не давая им ходу за Волгу. Во-вторых, на развалинах Биляр останавливался даже сам Тимур и, можно считать, что здесь была его временная ставка. Та самая - Орда...

В изумительной по анализу событий и глубине мысли книге В.Чивилихина «Память» также высказывается предположение, что монгольское войско припоздало с набегом на Русь, вошло в наши пределы сильно потрепанным, ослабевшим. Кроме того автор называет их монголами чисто условно, ибо войска Чингизхана собирались только на основе маленького монгольского рода. Вся же его орда вобрала в себя чжурчженей, китайцев, алтайцев, шорцев, тюрков, кыргизов, хорезмийцев, хазар и т.д. Собственно татар там не числилось, вплоть до перехода за Волгу...

Интересно, что билярцы поставляли на Русь строительный белый камень, хлеб, кожи. Археологи нашли тому подтверждение. А теоретики доказали, что известный договор 985 года Русь подписала вовсе не с Дунайской Болгарией, а с Волжской Булгарией, билярцами.

Именно в этот период латинский мир (западная «цивилизация») испытывает ненависть и зависть к процветающей Византии. Православие было объявлено языческой ересью, и норманны опустошали побережья, в том числе и славянские, следуя указаниям св. Августина: поступать с язычниками так же, как евреи с египтянами - обирать их... Из Византии на Запад вывозили прежде всего рукописи и реликвии. Грабили и оскверняли великое государство. И вроде бы вовсе не варвары, не монголы, которых остановили перед бесчинствующей Западной Европой билярцы и наши предки. Остановили, усмирили, перемололи, ассимилировали.

Участь Византии стала России уроком надолго. На Западе по сию пору удивляются: чего это Александр Невский не сдал Русь тевтонам, а союзничал с ордынцами? А оттого, что истории о том, как Альберт Медведь и Генрих Лев очищали от славян центр Европы - читать страшно. Моравов, вендов, сербов, хотя они были уже крещены, уничтожали как язычников. Очистка Европы от славян продолжалась жутко и страшно четыре века. А с монголами мы сотрудничали 300 лет. Они же остановили напор крестоносцев в Венгрии, а русичи - на севере. Многие монахи бежали на Русь, спасаясь от деяний крестоносцев!

Геополитически наша часть страны - часть огромного континента - Евразии, где мы века соседствуем с католиками, мусульманами, буддистами, разными народами. И Биляры - только еще одно подтверждение тому, что это - доброе соседство. Это наш общий социум. Народам надо знать свои достоинства и слабости, чтобы верно оценивать себя, свои возможности. И то, и другое уже заложено в истории. И отношение к этой науке должно быть ответственным, объективным, без угодничества перед властями, идеологией. Формы человеческого общежития существуют для людей, а не люди для формы. Этого нельзя забывать.

Владимир ЗИНОВЬЕВ

ПОЛЕЗНЫЕ ПОЭЗЫ

Рожден был в 1950 году на Урале, куда родители прибыли в теплушках на очередной «трудовой фронт».

Трудовую деятельность начал в одном из уральских угольных карьеров.

Срочную службу в рядах Советской Армии провел на боевом дежурстве одного их укрепленных районов вдоль реки Уссури.

Поменял немало профессий и отмечает, как свои, профессиональные праздники шахтеров, педагогов, строителей и журналистов...

После долгих скитаний по необъятным просторам Советской империи волею судеб вернулся на родину предков в Поволжье.

Не считая поощрений и почетных грамот имеет два нагрудных знака и диплом ВДНХ.

В.Зиновьев живет и работает в Димитровграде. Публиковался в «Вечернем Душанбе», «Димитровград-панораме», «Дне Победы», «Мономахе».

Мы живем начерно,
Без подсказки,
Наблюдая греховную жизнь.
Для других пишем
Сладкие сказки,
Пьем с улыбкой
Несладкую жизнь...

***

Меня заставляют работать.
Терпеть не могу такое...
Нет, я люблю работать!
Но только - не под конвоем.

***

Я жизнь познал вне Храмов...
Что Вам еще сказать?
На сердце много шрамов,
Которых не видать...

***

Построили мы КОММУНИЗМ.
Почти уже КАПИТАЛИЗМ.
На горизонте новый «ИЗМ»:
Воинствующий КРЕТИНИЗМ...

***

Хозяин наш давно
зарплату не дает.
И на разборках нудных
каждый день орет.
Бензин на лимузин -
всегда найдет,
И в ресторан с собой
не нас зовет...

***

Только нежными перстами
Можно глотку раздавить.
Только сладкими устами
Можно пакость сотворить.

***

Собеседница хмельная
Улыбнулась, подливая
терпкое вино...
Скоро буду твой,
я знаю.
Ну и пусть.
Не унываю...
Старое кино!

***

Ты спросила: «Полетаем?»
Я ответил: «Погоди!»
Только, чур,
как прошлой ночью,
Без меня
не улети...

***

Смуглые бедра...
Светлая грудь...
Высокая проза...
Нежная грусть...

***

Как всякой женщине
Вам нравятся Герои...
Но Вы не знаете,
Что все они - ИЗГОИ...

***

Носить Вас на руках
Я рад.
Но я не грузчик,
И - не раб...

***

Я пил и плакал,
Плакал я и пил,
Когда ЛЮБИМУЮ
Похоронил...

Геннадий ГЕНЕРАЛЕНКО

ЭНЕРГИЯ МОРЯ

(Из цикла «Слезы Гелиад»)

- Вы зря кормите рыб, - сказала толстая дама, указывая на табличку «Кормить и дразнить зверей воспрещается».

-Это млекопитающие, - меланхолично ответил молодой человек и продолжил кидать хамсу семье морских котиков. Толстуха не стала связываться, а отошла к водоплавающим птицам, где воровато достала из сумки половинку хлеба и, отломив горбушку, бросила ее пеликанам.

Многих зверей действительно нельзя кормить, и дело не в том, что у них получается неправильный рацион. Просто у некоторых зверей нет тормозов насыщения, животное переедает и болеет. Нет ничего печальнее зрелища обожравшегося ежика с осоловелыми глазам, нарушенной координацией движений и блюющего полупереваренными кусками пищи.

Семен Талов давно дружил с нерпами, выдрами, моржами и парой морских котиков. Каждый выходной он покупал в магазине «Дары моря» немного хамсы и в качестве лакомства презентовал своим подопечным. Эти существа были для него гораздо приятнее, чем, скажем, любимцы праздной публики обезьяны или вымогатель конфет бурый медведь. Тигр тоже был существом ограниченным и бестолковым. Из всех сухопутных Талов останавливался еще только у клеток с мелкими зверями и волками. Талов любил назначать встречи в зоопарке. Там толклось всегда много народа и можно было прийти

незамеченным. Обзор был великолепным и подслушать разговор практически невозможно, если только не ставишь это своей целью.

К водоему подошли толстый мальчик и худощавая девочка.

- Смотри, тюлень, - сказал мальчик.

- Сам ты тюлень, - ответил морской котик, ударив хвостом о воду.

- Это не тюлень, это выдра, - сказала девочка, ковыряя в носу.

- Сама ты выдра, - ответствовал котик, и Талов от неожиданности выронил пакет с хамсой. Ничего не услышавшие дети пошли своей дорогой, а Талов стал смотреть как оставшуюся в пакете рыбу доедает самец морских котиков.

- Вы разговариваете? - утвердительно-вопросительно спросил Талов.

- Нет, мы играем на гармошке и пляшем вприсядку, - котик явно издевался.

Почувствовав себя как-то неловко, Талов развернулся и пошел было от бассейна, когда его окликнул обитатель зоопарка.

- Ты, это, приноси рыбу покрупнее, мелкая только на один зуб, - котик сделал озабоченное лицо и нырнул, выталкивая на поверхность пустой пластиковый пакет.

Талов вышел из зоопарка и побрел вдоль чугунной ограды, вспоминая, не ел ли он чего-нибудь такого. Нет, не ел, не курил, не пил. И вообще... Он сел на скамью подле киоска с надписью «Стрижка Собак и Кошек», и мелко внизу «Ч.П. Абрамович А.М.» Из ларька вышел пожилой мужчина и, посмотрев на путника, вынес и ему дал стакан воды. Талов поблагодарил и пожилой сел рядом.

- Вам плохо, молодой человек, вы весь белый.

- Сейчас я разговаривал с морским котиком.

- Я тоже всегда разговариваю с собаками, когда их стригу, моя соседка разговаривает с кошкой.

- Да, конечно, Абрам Моисеевич, но котик мне отвечал и вполне осмысленно. Видимо, шиза подкралась незаметно, - мрачно пошутил Талов.

- Вы стригли у меня собаку? - Мужчина снял очки и протер их носовым платком. - Впрочем, у человека с фамилией Абрамович могут быть только такие имя и отчество.

И продолжил:

- В разговорах с животными на самом деле масса любопытных особенностей. Наша память гораздо пластичнее, чем нам кажется. Вот, к примеру, простое психологическое упражнение. Чем вы кормили котика? Хамсой? Прекрасно. К слову хамса под-

бирайте первые попавшиеся ассоциации. Например: булочная - хлеб, деньги - зарплата - завтра. Итак...

- Хамса, - неуверенно начал Талов, - море - сейнер - вода - соленые брызги - слезы - мама, - и здесь он запнулся, следующее слово само выскользнуло из подсознания: - Котик.

Котиком его звала в далеком детстве мама. Жена называла его по фамилии, а ребята с окрестного двора - Батон. Это прозвище прилипло и перешло во взрослую жизнь легко и непринужденно. Как-то в пятом классе они пошли всем классом в зоопарк, и Талов взял с собой батон хлеба. С харчами он был один, и мальчишки тут же подняли на смех саму идею кормления позвоночных. Так Талов стал Батоном. К несчастью, по телевизору прошел многосерийный фильм про террориста-грузина, и обращение «Дато Батоно» не дал умереть в сущности глупой дразнилке.

Талов в свое время рыбачил на сейнере в Атлантике и вел жизнь, похожую на сотни жизней тружеников Балтийского пароходства. В последнем рейсе они застряли в Перу, где Талов подвизался в роли доставщика оружия в джунгли, вначале для охотников, потом и для экстремистов марксистского толка. Более полугода он изучал флору и фауну, и только опасный груз мешал наслаждаться окрестными видами. Пока Батон кантовал патроны и амманол по горным тропам, его жена родила сына и заразилась спидом от случайного знакомого. Вернувшись из длительного плавания он нашел пустую квартиру с больной женой и здорового малыша, которого срочно отвез в Донецк к родителям. Деньги, вырученные от контрабанды, отдал родителям. Жена от болезни и наркотиков стала полной развалиной, и Талов ожидал ее смерти, чтобы не волыниться с разводом и разменом комнаты в коммунальной квартире.

- Котик? Пожалуйста, составьте все ассоциации с приведенными вами словами и подумайте над этим как следует. А теперь я должен откланяться, вот того пуделя ведут ко мне, - Абрам Моисеевич воткнул очки глубоко в переносицу и удалился в свою каморку стричь еще не лохматого пуделя.

Талов побрел дальше размышляя о словах старого еврея. « Море - глубина - темнота - пузырьки воздуха - свет -льдины - ласты», - при чем тут ласты, Талов понять не мог. По пути в свою квартиру, которую он снимал на паях с охотником за янтарем Женькой Милиным, зашел в булочную и усмехнулся, вспомнив ассоциацию «зарплата - завтра». В булочной помимо хлеба продавали еще и разную бакалею, и Батон купил пачку чая, хлеба, банку рыбных консервов в масле и суп быстрого приготовления. На кассе он взял еще пакетик карамели и, расплатившись, чуть было не наступил на умывающегося около прилавка котенка.

Открыв дверь своим ключом, он заглянул в Женькину комнату и, увидев спортивную сумку, выглядывающую из-под кресла, понял, что рейс был удачным. На кровати лежало несколько кусков янтаря размером в кулак каждый, и все они были разного цвета. Женька любил валяться и разглядывать камни часами. Батон в камне не разбирался и, посмотрев всю коллекцию в полминуты, возвратился к более насущным делам.

Он сварил суп за четыре минуты и съел его за две. Потом долго пил чай, наблюдая по телевизору препирательства депутатов государственной думы. К чаю он употребил карамель «Льдинка». Крутя фантик в пальцах, закрыл глаза и выстроил мысленно зрительный ряд: льдинка - север - мех - шуба - котик - кровь. Конечно, Талов читал о прошлых жизнях, реинкарнации души и прочей чепухе. На севере он никогда не был, и ассоциации о полярном ассортименте его несколько задели. Может быть, он добывал зверя или бил китов... Все может быть.

В дверь позвонили и Талов, услышав требовательный звонок, улыбнулся. На пороге стояла большегрудая женщина в джинсах и футболке. За руку ее держала усталая девочка лет пяти в обнимку с лохматой игрушкой дикого оранжевого цвета. На футболке женщины была надпись «KISS ME, 2 раза», что Талов и проделал с большой охотой. Он познакомился с Анной Холодной пару недель назад в ресторане «Москва» на свадьбе у приятеля по рыболовецкому промыслу. Женщина была одна, и подвыпивший Талов стал ее развлекать. Развлечения перешли в дружеское, близкое знакомство, и Холодная оказалась очень даже теплой и ласковой.

Девочка сразу заинтересовалась янтарями, но сон сморил, и она, не раздеваясь, уснула на Женькиной кровати. Талов лег на диван, и Анна вместе с ним. Уверенной рукой он высвободил футболку, и торс женщины предстал во всей красе. Талов лизнул большую окружность соска, и запах тела и слабого кислого аромата взволновал любовников. В шершавом, но нежном окончании груди чувствовалась жизненная сила. Анна развернулась поудобнее, закрыла глаза и прижала руками голову Талова к своей груди. Мужчина был готов идти в своем желании дальше, но открылась дверь и грустная девочка трагическим голосом объявила: - Мама, я не хочу больше спать. - Дрянь, маленькая дрянь, - рассерженная мать в праведном гневе хлестнула футболкой девочку по вертлявой попке. Девочка ожидала такого развития событий, и хотя удар был демонстрационный, закричала и убежала в спальню, голося что-то невнятное. Лицо Анны покрылось нервным багрянцем, и она ушла в ванную приводить себя в порядок. Талов был

смущен и расстроен. Наличие детей присуще человеческому роду, но ожидать подлости от дитяти в такой ответственный момент он не мог.

Ожидая, когда ванная комната освободится, он вспоминал, где и когда слышал этот запах. Совершенно некстати Талов вспомнил мать и, чтобы отогнать чувство вины за подкинутого сына, пошел на кухню, где брился электробритвой под звуки работающего телевизора. На экране Юрий Сенкевич показывал что-то дальнее и морозное, камера взяла общий план, и взору открылось лежбище морских котиков. Талов остановился с бритвой в руке и зачарованно глядел на происходящее. Сотни гладких, упитанных тел разговаривали между собой, кормили детенышей, занимались воспроизводством себе подобных, совершенно игнорируя оператора. Котики, не слишком грациозные на земле и голых камнях, были самим совершенством в морской пучине.

Анна обняла его сзади, и они стояли так долго. Девочка в это время выпотрошила утенка ножницами и спешно набивала его отборными кусками золотистого янтаря. Они решили отвести ребенка к бабушке и хотя бы сутки побыть одни.

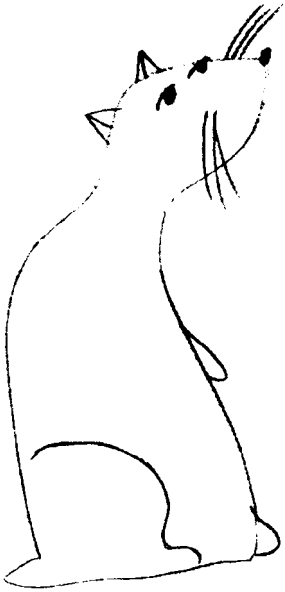
У гостиницы «Калининград» они увидели дремлющего в кресле уличного кафе Женьку. Женька был в батоновской рубашке и, обрадовавшись обществу, пошел с ними до Королевского пруда. Дитя стало требовать мороженного, но, получив подзатыльник, успокоилось и, несколько отстав, брело следом, разговаривая о чем-то со своей игрушкой. Утенок падал на асфальт и вскоре приобрел радикально серый цвет. Анна с Женькой были едва знакомы, но общий язык нашли быстро. Солнце, лебеди и компания, компания хороших людей, вернули Талову хорошее настроение. Инцидент был забыт и исчерпан. К компании кормящих лебедей подошел высокий худой мужчина и Женька, извинившись, ушел с ювелиром по прозвищу Фаберже. Талов и Анна отвели ребенка к бабушке и пошли на квартиру к Анне. Они купили бутылку сухого вина и ближе к вечеру решили сходить в хорошее кафе. Беспричинно смеясь, они поднялись на шестой этаж и вошли в квартиру, небольшую, но очень мило обставленную.

Выпив по бокалу вина, они плавно переместились в большую кровать, но телефон зазвонил и не прекращал трезвонить.

- Это бабушка, она не отстанет, - обнаженная Анна пошла на кухню и подняла трубку. - Алло!

Это действительно была бабушка. После извинений она велела прийти и забрать ребенка.

- Дело в том, что наш сосед по квартире, такой хороший мальчик Сережа Томин, убил трех милиционеров и четверых ранил.



Здесь полон дом милиции, врачей и, кажется, начинается пожар.

Хороший мальчик Томин, в просторечии - Том, был классным фотографом. Он как-то снимал Анну, кормящую грудью своего ребенка. Этот снимок был на обложке журнала «Шпигель», после чего Том и начал свое восхождение вверх, пока, прервав полет, не рухнул на мостовую улицы Фрунзе. Планы на секс и вечер рухнули в единую секунду. Повисло тягостное молчание, и одевшийся Талов распрощался. - Звони, - сказала Анна.

Талов шел медленно, погрузившись в раздумья. По пути ему никто не встретился из знакомых, и он брел, куда несут ноги. Ноги принесли его к магазину «Букинист», куда он зашел мимодумно. Он снял с полки книгу «Морские животные» и сел в кресло разглядывать картинки . «Морские котики - животные с развитой заботой о партнере, образуют устойчивые пары и производят на свет...» Талов ушел в чтение и не заметил, как прошло более получаса. «...Забота о потомстве у морских млекопитающих даст пример даже чадолюбивым родителям». Талов захлопнул книгу и пошел злой на себя, Анну и беспутную жену. Он пришел в бар и пил там водку. Уже пьяный, он увидел девушку ангельской красоты и купил ее за пятьдесят марок. Талов ночевал у проститутки и ночью ему снилось море, морозные льдины и самки морских котиков. Он тоже был котиком и терся влажной мордой с безумно грустными глазами о партнершу. Партнерша говорила ему приятные вещи и ласкала спину мягкими ластами.

Утром Талов проверил свой бумажник и, сделав контрольный звонок, отправился к зоопарку. В «Дарах моря» он был первым покупателем и купил два килограмма ставриды. После магазина он решил зайти к старому еврею и пришел к его будке. Там сидел скучающий молодой человек.

- А Абрам Моисеевич?..

- Он убыл в лучший мир.

- Когда он умер? - Талов был растерян.

- Что вы, старик поехал к дочери в Австрию, но вернется через пару-тройку недель. А вам кого стричь?

Талов развернулся и ушел в зверинец. Купив билет, он почти бегом направился к бассейну с котиками.

- Принес? - сразу спросил котик-самец. - Кидай всю разом.

- Зачем ты так, - улыбнулась самочка, - он такой милашка.

Талов улыбнулся и вопрос прозвучал не очень серьезно: - Кто я?

- Понятно дело, царь природы, - самец деловито хрумкал ставриду.

- Милый, всему свое время, ты узнаешь, почувствуешь... - самочка глядела на Талова с легкой укоризной.

Рядом с бассейном появился мужчина и, узнав Талова, подошел и поздоровался. Талов вербовал специалистов из бывших военных для комбатантов.

- Мне нужны два сапера и три вертолетчика, - без предисловий начал Талов. - Теньков, ты снайпер, конечно, хороший, но ...

- Мне нужна работа, Батон, - ответил Теньков.

- В России для тебя полно работы.

- Мне нужно далеко и надолго.

- В Заир ведь не поедешь, оттуда не возвращаются.

- В Заир не поеду, - подтвердил Теньков. - Нет работы, дай денег.

- Денег не дам.

- Смерти моей хочешь... - Теньков вытащил из кармана отвертку и ударил ею Талова, потом обтер ее о таловскую одежду и закинул в бассейн к моржам. Талов устоял на ногах, но ему сразу сделалось худо. Из небольшого рваного отверстия в боку текла кровь. Талов зажал рукой рану и привалился к бассейну.

- Что, сынку, помогли тебе ляхи? - озаботился котик.

- Иди к морю, так будет лучше, - самочка котика почти выпрыгивала из бассейна, - иди к морю, я приду к тебе.

Все поплыло и перевернулось вверх ногами, Талов упал и потерял сознание. В черных кругах, которые мелькнули в момент падения, он видел пузыри воздуха, оставляемые ныряющими котиками. Когда он очнулся в больнице, садилось солнце. Талов встал, и хотя боль отдавалась во всем его теле, он направился к выходу. По пути его пытались задержать, но Талов вырвался и ушел.

Около больницы он проголосовал, и мрачный колхозник на видавшем виды «Рено» повез его в Светлогорск. Кошелька не оказалось, и Талов снял с пальца обручальное кольцо. Колхозник одобрительно хмыкнул и, высадив его около дорожки, ведущей к пляжу, укатил к вокзалу искать клиента в Кенигсберг.

Солнце уже касалось моря, когда Талов остановился у края суши. На пути к морю он, по давней привычке подошел к бронзовой статуе Венеры. Скульптура нагрелась за день на солнце и была

блаженно теплой. Ее бедра и груди были отполированы прикосновениями тысяч рук. Оставив Венеру, Талов подошел к линии прибоя. Небольшая волна лизала ему ноги, и стало значительно лучше. На пустынном пляже сидел голый мужчина и смотрел на море. Это был Бешенный Билли.

- Помогает? - спросил голый.

- Да, - Талов не хотел ввязываться в разговор.

- Если бы я мог стать чайкой, - обращаясь к морю сказал Билли, - я не ждал бы ни секунды. Хватал бы рыбу из моря и чистил перья на теплых кнехтах. При приближении ненастья прятал бы голову под крыло. Боже мой, как хочется быть чайкой...

Талов услышал крик и стрекот морского котика. Он не думал о том, что котики в Балтике не живут. Он и не собирался жить здесь, его ждал Север.

- Мне пора, - сказал Талов, и Бешенный Билли понимающе махнул рукой. Талов вошел в воду и не почувствовал холода. Пройдя пару десятков шагов, он упал в воду и поплыл легко и красиво. У него ничего не болело, и больше ничего не тревожило. Все тело наполнилось радостным ощущением легкости и полета. Рядом с собой он увидел свою знакомую самочку. Талов, повторив ее клич, от удовольствия подпрыгнул и перевернулся на спину. Они похлопали друг друга ластами и нырнули в морскую глубину, оставляя след из блестящих пузырьков воздуха. Бешенный Билли долго смотрел им вслед, затем грустно побрел к вокзалу, где его подобрал колхозник, привезший Талова.

- Что вы знаете о чайках? - спросил Билли дехканина.

- По мне уж лучше альбатросы, - ответил водитель и стал долго рассказывать, как он ходил в море и какие умные птицы альбатросы. Бешенный Билли ехал домой и не знал, что через час с небольшим он будет избит, арестован и не увидит моря долгих пять лет.

Иллюстрации автора.

Макс КРОНИН

ДАЙТЕ СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ!

Фельетон

- Але, редакция? Отвечайте, почему мне с нового года ни один номер не принесли? Выписал, еще как.

Знаю, что - официальный праздник. Знаю, что по закону. Нет, я не работал, я - гулял, я чистокровный христианин, а не Папа Римский. И вы не папа? Но мне нет дела до вашего праздника: берете деньги - извольте дать продукт. Вот именно, журнал - не осетрина, должен быть свежим.

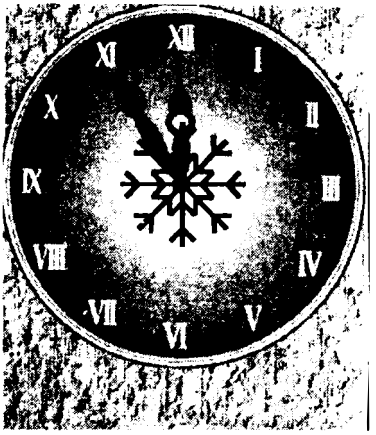
Ну и что - типография не работала, я на типографию не подписывался. Бардак! Что - нельзя в другой типографии печатать? Ах, все типографии страны не работали? Всеобщий бардак! Что нам теперь другой журнал покупать? Как - ни одно издание в стране не вышло? Ну я и говорю, я что, должен другой журнал в другой стране покупать за свои собственные деньги? Мне под закуску читать нечего!

Ну и что, почта не работала! У вас ни типография, ни почта не работает, понимаешь, а мы что - крайние?

Да не хочу я, чтобы праздники отменили, я хочу праздновать и иметь свой журнал. Да не нужно мне то, что сверстано, я хочу иметь весь номер. Вся страна не работает? Тогда хочу иметь всю эту страну!

Нечего водку пьянствовать, когда дело стоит. Я - тоже праздновал. Но у меня ничего не стоит, у меня - течет. Но я перед людями таких обязательств не беру, я в водоканале работаю. Что значит, у вас на праздник воды не было. Так надо заранее водой запасаться - у всех праз-

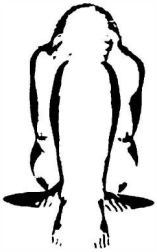
дник. А это вы не путайте: это две большие разницы - мы, извините, вам трубу не перегрызли, и знать, что она глюкнется аккурат в этот день не могли, у нас в водоканале нострадамусов нету. А вы и без третьего глазу должны видеть, что народ жаждет новостей, он верит вам и 50 рублей на подписку от своего желудка отрывает. При чем тут сердце? И у сердца есть желудок. Вы что, подписчика хотите потерять? Я ведь могу и на что другое подписаться. Ну и что - ни одно издание в стране не вышло? Я ни на одно и не подписывался. И на вас не подписывался, мне собес силком подарок сделал.



Нет, вы мне ответьте, до каких пор в стране будет процветать безобразие: редакции с почтами пьянствуют, а простой народ вместо того, чтобы спокойно опохмелятьcя - рыскает по киоскам! Никакого равенства, одно б... братство: прокуроры в банях с проститутками парятся, министры в карате играются, а вы вместо того, чтобы про это писать, себе римские каникулы устраиваете.

А при чем тут моя жена? Ну, на почте она работает. Да, законно отдыхала. А вы, а вы... А что вы мне тычете моей женой? Ну если бы вы журнал сделали, то я бы ее в любой момент поднял, заставил умыться и послал по домам разносить. Я ответственность на этот счет имею. Нет, вот в типографии у меня жен нет. Как это - по быстрому? Да вы меня за кого принимаете, у меня не гарем, у меня пока совесть еще кое-где шевелится.

Что значит, вам до сих пор воду не дали? Не знаю, я заявок не видел. Да не был я на работе, у меня еще завтра старый новый год предвидится! И вообще - отстаньте вы от меня со своими претензиями! У меня праздник, дайте сосредоточиться!

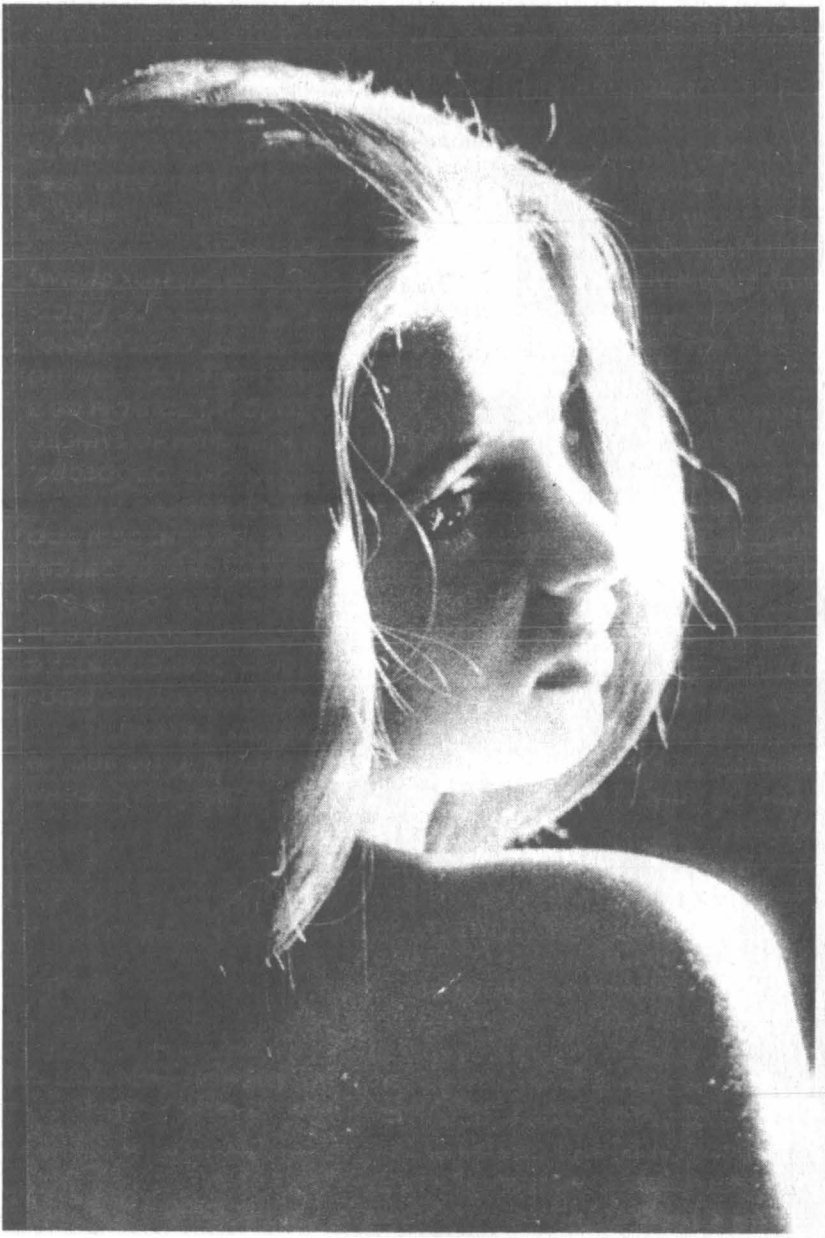


Так до октябрьского переворота 17-го года прошлого века выглядела мелекессянка Мария Пискалова. Именно такой ее повел «под венец» лидер посадских большевиков Я.Пискалов, обратив в свою «веру», взрастив пламенную большевичку...

На снимке от июня 1937 года наши землячки выглядят столь же красиво, сколь и настороженно... Наверное, поэтому посвящение на обратной стороне фотографии гласит: «Пусть это мертвое изображение напоминает образ наш живой...». Видимо, темное крыло сталинских репрессий уже коснулось и Мелекесса.

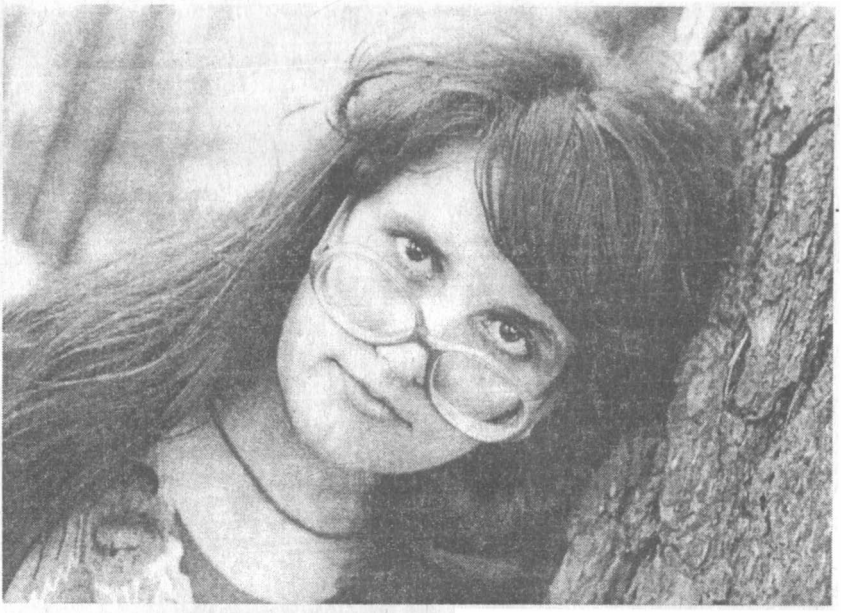
«Мелекесская дива» 60-х годов прошлого столетия, запечатленная фоторепортером В.Волчковым, демонстрирует нам модный купальник тех лет. Именно так выглядели бабушки и мамы нынешнего молодого поколения димитровградцев на пляжах...

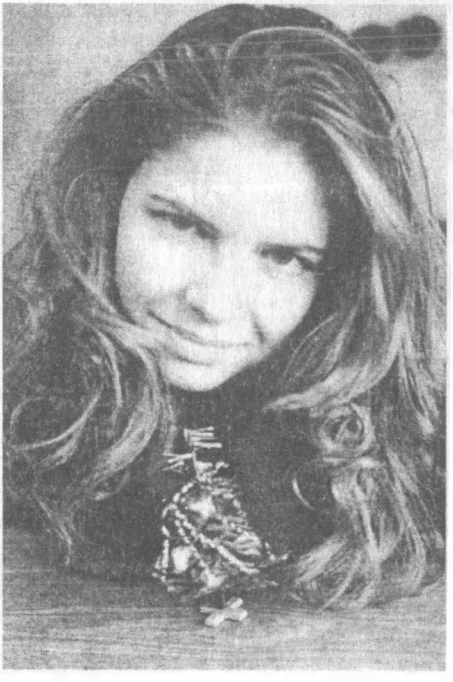
На снимке внизу - наша современница, жительница Мелекесского района Оксана. Время наложило свой отпечаток на поведение этой девушки перед фотокамерой. Фото В.Пчелинцева.



А этот портрет фотохудожник В.Пчелинцев назвал просто и мило: «Маша».

Именно так фотохудожник В.Зиновьев видит своих натурщиц: красавицами, раскованными, очень современными. В этом вы можете убедиться, взглянув на портрет нашей землячки Любушки, которая считает, что так она отражает мир в себе и себя в мире...





А здесь В.Зиновьев запечатлел талантливую мелекесскую поэтессу, ныне студентку Московского литинститута Елену Новоселову.

На снимке внизу участница многих фотоконкурсов, соревнований красавиц и показа моделей одежды - Юлия.

Храни нас сень Святого Православного Креста

ДЕКАБРЬ 1999 12

Литературно-художественный и краеведческий журнал